

ВЛАДИМИР ДЕЛБА

РУЛЕТКА СУДЬБЫ

Новеллы

МОСКВА
2020

УДК 82-3
ББК 84
Д 29

Делба В.

Д 29 Рулетка судьбы: – М.: Новые Витражи,
2019. – 178 с.

ISBN 978-5-6045069-0-5

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-6045069-0-5 © Делба В.М., 2020
© РОО Литературное сообщество
«Новые Витражи», 2020

Дорогие читатели!

Вот мы и держим в руках новую нашу книгу. Почему нашу? Ну, здесь всё просто! Потому что, как всегда, книга эта, если говорить о конкретном полиграфическом издании, на самом деле нечто гораздо большее, нежели просто сброшюрованные листы бумаги в картонной обложке.

Ведь многие вложили частичку своей души, знаний, да и денег, чтобы книга, в конце концов, увидела свет. За что я не устаю благодарить Небеса, подарившие мне таких прекрасных друзей, как вы!

Писатель должен обладать богатым воображением и фантазией. Но при этом, как правило, он избирает, хотя бы в качестве стартовой площадки своих произведений, реальные факты, которым был свидетель, либо полученные из источников, заслуживающих безусловного доверия.

Я часто и с удовольствием путешествую по собственной памяти в поисках достойных сюжетов, коих множество хранится там, в её «архивах».

Детство и юность, проведённые в благодатном краю, в солнечном интернациональном городе, столице Абхазии, не могли не стать естественными

• • • • •

источниками формирования столь удивительной коллекции различных событий, часто забавных, озорных и очень смешных, порой драматичных и даже трагических. И огромного количества столь же уникальных, ни на кого не похожих персонажей.

Настолько уникальных, что явно заслуживают стать героями книг. Причём судьбы некоторых из них сложились настолько неординарно, что порой и не нуждаются в литературной обработке, а лишь в простом их переносе на бумагу.

Мне давно не давала покоя история жизни одного из друзей моего детства. Человека по-своему выдающегося, обладавшего живым умом, исключительными способностями, получившего прекрасное образование. Человека, который мог стать, говоря без прикрас, великим учёным, политиком, дипломатом или разведчиком.

Но, к сожалению, при внешней интеллигентности и доброте, внутри него всегда жил авантюрист, корсар, Игрок. Сущность, которой было явно тесно в рамках общепринятых норм и правил. Так что талант, полученный свыше, расцвёл, как талант криминальный, правда, высочайшего класса, если такое определение уместно.

О нём я и написал новеллу «Игрок», ставшую основой данного сборника. Однако, возникло желание рассказать (или напомнить) читателю о реальностях города моего детства, об его чудесной ауре, о своей школе, с которой связано столько тёплых и поучительных воспоминаний.

И я решил предварить «Игрока» неким вводным повествованием, дабы обеспечить читателю

• • • • •

плавный переход к судьбе конкретного человека, воссоздав обстановку, в которой мы жили и росли, пришедшуюся на пятидесятые – начало шестидесятых годов прошлого столетия.

И в качестве десерта, по принципу «Бог любит троицу», решил включить в сборник ещё одну новеллу, которую только-только закончил.

А получился ли сборник, судить уже вам, дорогие мои читатели!

С глубоким уважением и теплом!
Ваш автор

*Между храмом,
стадионом и парком*

Удар такой силы не оставил ему шансов. То ли карты легли именно так в тот трагический вечер, который, кстати, казался изначально фантастически весёлым и очень крутым. Или он сам выбрал карту из колоды своей судьбы, решив сыграть с ней, с судьбой, в орлянку. Или, скорее, в русскую рулетку.

Во всяком случае идея оставить вечеринку, танцы с девушками под медленную романтическую музыку, угнать автомобиль, отправиться на нём неизвестно куда в поисках приключений, принадлежала ему, Жорику. Именно он моментально отреагировал на информацию, что рядом, на улице одиноко стоит «УАЗ», грузовичок или «полбуханки», как его называли, ибо у машины был деревянный кузов, в отличие от «буханки», цельнометаллического фургона.

«УАЗ» принадлежал строительному тресту, водитель жил двумя домами выше по улице, ведущей к Сухумской горе, он, очевидно, в этот вечер поленился поставить его в гараж. Да и кто мог позариться ночью на грузовую машину в спокойном нашем городе?

Ещё двое слегка подвыпивших друзей-подростков выразили горячее желание поучаствовать в авантюре, стоило ему только озвучить свои мысли.

Открыть кабину перочинным ножом оказалось легко. Затем, толкая руками, автомобиль развернули в сторону спуска, «экипаж» занял места, и с независимым двигателем, с погашенными огнями машина бесшумно покатила вниз.

Зажигание включили при помощи того же ножика, уже отъехав на приличное расстояние, мотор запустился «с толкача» и радостно заурчал.

Чувства, овладевшие парнями, были сродни ощущениям какой-то безбрежной, неопишуемой свободы! Представьте автомобиль, летящий на предельной скорости по пустым улицам ночного города, покорный лишь воле и умению юного водителя! Свист ветра в приоткрытом окне, восторженные, слегка театральные возгласы на выражах, колкие реплики и громкий смех. Стопроцентный адреналин! И разве кто-то думал о такой мелочи, что внутри домов с погашенными окнами спят реальные люди, горожане, и что двигатель грузовика, даже такого небольшого, издаёт на больших оборотах звуки, сродни рёву крупного дикого животного.

План, пришедший Жорику на ум, был опасным, это была авантюра чистой воды, но, пожалуй, в духе той самой русской рулетки.

Дело в том, что часть республиканского начальства проживала в доме на углу улиц Чавчавадзе и Фрунзе, выходящем фасадом на площадь имени Ленина. С целью оградить высоких чиновников и их семьи от шума проезжающих автомобилей, движение по площади по ночам запретили.

Замысел юных фрондёров как раз и заключался в желании «позлить медведя в берлоге», то есть

Между храмом, стадионом и парком

устроить гонки на площади именно под окнами «сильных мира сего». Смысл же сравнения грядущего действия с игрой в русскую рулетку заключался в том, что здание, о котором идёт речь, соседствовало с городским отделением милиции. Так что под медведем подразумевались, в большей степени, именно слуги закона.

Позлить, а вернее, разозлить жильцов элитного дома явно удалось, судя по большому количеству окон, в которых загорелся свет. И, спустя совсем короткое время, со стороны горотдела на площадь въехал на приличной скорости мотоцикл с коляской, на котором восседал милицейский офицер.

Решение, очевидно, единственно верное пришло моментально. Уйти на тихом ходу, по большому счёту, «УАЗике» от мощного «УРАЛа» на широких и гладких городских улицах было нереально, и Жорик, совершив прощальный круг вокруг площади, отсалютовав округе протяжным сигналом, направил грузовичок в сторону Сухумской горы. Милицейский мотоцикл упорно «сидел на хвосте», побаиваясь, видимо, идти на обгон.

На перекрестке, у подножия горы, рядом со старинной виллой Алоизи машина ушла правее. Там, на улице Ласуриа, метров через триста заканчивался асфальт, и дальше шла совершенно разбитая грунтовая дорога. Мотоцикл здесь становился бесполезным механизмом, в отличие от проходимого шустрого грузовичка.

Резво прыгая, как горный козёл с кочки на кочку, «УАЗ» быстро преодолел горизонтальный участок неосвещённой дороги и, почти не сбавляя скорос-

ти, резко провалился, как на американских горках, под восторженные возгласы любителей адреналина вниз. Крутой спуск вывел машину на асфальтированную улицу Чанба.

Здесь бы «экипажу» перестать испытывать судьбу, оставить автомобиль в тёмном месте и разойтись пешком по домам. Ну а как же тогда адреналин?!

Хоть игра и становилась рискованной, парни решили, образно говоря, сделать новые ставки и продолжить.

Улица Чанба уходила вправо, к небольшой площади у Красного моста, откуда можно было попасть в центр, однако возвращаться в город было крайне опасно, поэтому на ближайшем перекрёстке водитель свернул налево, переехал речку Беслетку по Белому мосту и выехал на Тбилисское шоссе, пустынное ночью.

Асфальт шуршал под колёсами, мотор ровно и довольно гудел, будто радуясь свободе, автомобиль мягко и достаточно быстро летел внутри тёмного тоннеля, образованного кронами деревьев, проскакивая иногда пятачки неяркого света редких уличных фонарей. И адреналина пока, образно говоря, у «экипажа» хватало.

Свет фар быстро приближающегося автомобиля Жорик увидел в зеркале заднего вида. То, что это милиция, сомнений не было. И что преимущество было у легковушки, догнавшей «УАЗ», тоже было ясно.

Справа от шоссе находилась площадь перед железнодорожной станцией Келасури. Она была ниже уровня шоссе, от тротуара вниз спускалась широкая лестница.

Между храмом, стадионом и парком

Проехав её, Жорик немного сбросил скорость, резко свернул направо и выехал на площадь уже в обратном направлении. В самом конце площади, на небольшом островке между станцией и шоссе стояло одноэтажное здание продуктового магазина, к которому с задней стороны были пристроены складские помещения.

Притормозив у магазинчика, Жорик крикнул своим пассажирам:

– Прыгайте!

Подростки буквально выкатились из кабины автомобиля в спасительную тень пристройки. «УАЗик» же, набирая скорость, вновь выскочил на шоссе, пытаясь уйти от погони. Но милицейская «Волга» уже шла на обгон.

Пистолетный выстрел показался негромким хлопком из-за рёва автомобильных моторов. Другим из убежища было хорошо видно, будто на экране кинотеатра, как на приличной скорости грузовичок неожиданно вильнул, накренился и вылетел на тротуар. Ударившись о бордюр, машина будто взмыла в воздух, как птица в замедленной съёмке, грациозно пролетела над лестницей и ещё на лету врезалась в массивное чугунное основание фонаря. Удар такой силы, как я уже говорил, не оставил Жорiku никаких шансов...

Не знаю, почему воспоминания мои начались со столь трагического эпизода. Наверное, потому что именно тогда я, подросток, впервые напрямую столкнулся со смертью, ибо был участником описываемого события, одним из «пассажиров». И всё произошло на моих глазах, что само по себе явилось

страшным шоком. Ведь одно, когда уходили из жизни чьи-то бабушки или дедушки, люди почтенного возраста. Это было как бы естественным атрибутом повседневной жизни, ведь похороны и поминки – грустная, но привычная, рутинная её часть.

И совсем другое – потеря ровесника, близкого друга, с которым ты был связан огромным количеством незримых дружеских нитей, человека из плоти и крови, с которым всего несколько минут назад мы, смеясь, вместе испытывали судьбу.

Я допускаю: это память подсказывает мне, что жизнь наша сложна и многообразна, в ней есть место и для радости, и для печали, а вернее, грустное и весёлое всегда идут по жизни рука об руку. Потому, путешествуя во времени, стоит избегать соблазна одинаково идеализировать всё, что случилось с нами когда-то. Образно говоря, если мы усыпаем дорогу в прошлое виртуальными розами, не стоит забывать и о шипах!

Хотя, должен признать – лично мои детство и юность были, в большей степени, радостными, весёлыми и интересными. Солнечными, можно сказать, как и сам город, в котором я родился и вырос и в который я постоянно возвращаюсь, стоит только закрыть глаза.

* * *

В 1954-м году, после окончания двух классов русской школы №2 меня перевели в школу №3, где только что открылся абхазский сектор.

По сухумским меркам, до школы было достаточно далеко, примерно двадцать минут ходьбы. Рядом

Между храмом, стадионом и парком

находился городской кафедральный православный храм, чуть дальше – живописный парк, называемый «Пионерским», а в нескольких десятках метров от школы располагался городской стадион. Да и само здание школы дореволюционной постройки, из тёмного кирпича, с арочными окнами, белыми колоннами, двумя большими террасами на фасадной части, обрамлёнными каменными перилами с балясинами, и с открытой парадной лестницей было красивым и внушительным

Поговаривали, что в этом здании обучался до революции Лаврентий Берия, вошедший в историю как душитель и палач и одновременно как выдающийся организатор оборонной промышленности СССР.

Я быстро подружился с одноклассниками, но, к великому сожалению, плохо знал родной язык и вынужден был перейти в параллельный класс русского сектора, в котором и проучился восемь лет, вплоть до окончания десятилетки в 1962-м году.

Классы абхазского сектора вскоре переехали в здание 10-й школы, в центр города. Но тёплые дружеские отношения никуда не делись. Хотя жизнь и разбросала многих одноклассников, как говорится, по городам и весям, мы, оставшиеся, и сейчас, спустя десятилетия, с радостью общаемся при малейшей возможности. Я и мои одноклассники – Астамур Дзидзария, Валерик Касландзия, Даур Сарсания.

В новом коллективе меня приняли хорошо. Собственно, новым он являлся номинально, ибо все мы, ученики одной школы, прекрасно знали друг друга. Но, как обычно бывает, с кем-то в классе устанавли-

ваются более тесные связи, перерастающие в настоящую дружбу. И я благодарен судьбе за то, что она подарила мне такую дружбу и таких друзей!

Каждый из них заслуживает отдельного, обстоятельного и долгого рассказа.

Но я считаю, что не стоит утомлять читателя описанием событий и деталей, сродни летописи, представляющей интерес для узкого круга причастных, посему постараюсь «выдёргивать» из архива памяти наиболее яркие, забавные, порой уникальные истории своего школьного детства без соблюдения хронологического порядка.

* * *

Итак, стадион был совсем рядом. Мы, мальчишки, часто ходили туда после занятий или срываясь иногда с уроков. Стадион в те годы выглядел достаточно удручающе: обшарпанные стены, ржавые ворота без замков, искривлённые доски трибун с облезлой краской.

На территории стоял маленький домик, в котором жила семья тренера детской футбольной секции, грека по имени Тула. Он ещё присматривал по возможности за полем, ибо, помимо тренировок спортсменов, здесь проходили и матчи профессиональных команд.

Для нас, школяров, стадион был символом свободы, абсолютной вольницы. Можно было вволю погонять мяч, громко обсуждать любые темы, курить, ни от кого не таясь.

Ну, и конечно, сам футбол, не только как красивый, зрелищный и азартный спорт, но и как некое

Между храмом, стадионом и парком

мировоззрение, как жизненная философия большинства южан, стал для многих наших учеников не просто забавой или временным увлечением, но делом всей жизни или, по крайней мере, важной её частью.

Центром же общественной жизни города, местом неформального общения горожан было открытое в конце пятидесятых кафе, получившее неофициальное название – «телевизор», поскольку три из четырёх стен были стеклянные. Располагалось оно в стратегически безупречном, всегда людном месте, в ста метрах от набережной, вблизи гостиницы «Абхазия» и ресторана «Амра»!

Небольшую открытую площадку перед стеклянным кубиком очистили, обрамили газоном, засыпали гравием и установили высокие столики без стульев. Именно здесь, на этом пяточке и зародилось уникальное явление, названное позже – «Брехаловка», без которого потом уже невозможно было представить наш город.

Совершенно нетипичное для лексики горожан слово, как ни странно – прижилось! Именно здесь, за чашкой ароматного кофе можно было узнать все новости: мировые, городские, дворовые и т.д. Причём вся будто бы фактическая информация сопровождалась эмоциональными, остроумными, порой саркастическими комментариями.

Люди собирались самые разные, поэтому дискуссии, переходящие иногда в словесные перепалки, могли напоминать соревновательную форму научно-философских олимпиад либо являть собой образчики виртуозных фраз на типично сухумском

«сленге» с применением, как правило тактичным, элегантной, характерной «сухумской» ненормативной лексики.

И темы обсуждались самые разные, но чаще и более всего говорили, конечно, о футболе. Эмоционально, как правило, но часто объективно, со знанием дела. И всегда интересно!

Словом, если сказать, что футбол был популярен в народе, значит – не сказать ничего. Им попросту «болела» большая часть мужского населения города.

Я не входил в эту самую большую часть, поэтому могу быть неточным в оценках, но думаю, что можно смело назвать отношение к футболу в те годы – романтическим. В самой игре ценились игроки, владеющие, в первую очередь, виртуозной техникой, а уже потом атлетизмом, скоростью, мощным ударом. Не сходили с языка имена Пеле, Эйсебио и других кумиров мирового уровня! Да и советский футбол дал миру много славных имён.

Любимой, самой главной, «своей», выступавшей в Высшей лиге была для горожан, конечно, команда тбилисского «Динамо»! И в ней играли высококлассные «технари»! Стоит только назвать Михаила Месхи, Георгия Сичинава, Шоту Яманидзе, Владимира (Сёму) Баркая!

В те годы добрыми были и отношения между болельщиками и спортсменами различных команд. Возможно, время моего детства просто было добрым и романтическим!

Вот и моих школьных друзей футбольный «вирус» не обошёл стороной. Многие были записаны в детскую футбольную секцию. Я уже как-то расска-

Между храмом, стадионом и парком

зывал о своих одноклассниках, ставших профессиональными известными футболистами. Это – Константин Янулиди, Арчил Ермаишвили, Алексей Илиади.

Алексея, Алика, «Альдоса», как мы его обычно называли, вообще не могу вспомнить или представить без мяча. Такое впечатление, что футбольный мяч был вручён ему при рождении как обязательный атрибут жизни. И появлялся Альдос каждое утро в школе с мячом на носке ботинка, умудряясь обвести каждого, кто попадался на пути, будто игроков на поле, не теряя, как правило, мяча. Не обращая никакого внимания ни на возгласы, ни на шутки, отпускаемые мальчишками, ни на восхищённые взгляды школьниц.

* * *

Школьницы! Девочки!

Конечно, невозможно обойти эту волнующую тему. Тем более, что она обширна, разнообразна, ибо включает в себя, как сложное музыкальное произведение, огромное количество оттенков и нюансов, характерных для конкретного городского уклада жизни в те времена.

Маленький наш интернациональный город, переплавив, как в горниле, идеологию марксизма-ленинизма, нормы поведения и традиции, религиозную философию живущих в нём народов, сохраняя глубокое к ним уважение, получил некий сплав, кодекс поведения, устраивающий всех. Понятия о чести и достоинстве, мужество, справедливость, ува-

жение к старшим и высокие моральные принципы семьи, предусмотренные этим «сводом законов», были ясны и близки всем жителям.

Правда, строгость этого негласного кодекса в части моральных принципов «разбавлял» некий средиземноморский «флёр», типичный для южных курортных городов. С одной стороны, он развивал такие качества, как деловитость, предприимчивость, коммуникабельность, с другой же стороны, плодил сибаритов, «профессиональных» курортных сердце-едов, любителей импровизаций и приколов, густо замешанных на специфическом тонком местном юморе!

Что же касается темы наших рассуждений, ситуация была простой и понятной, хотя порой двоякой. И вот почему.

Девочек воспитывали строго, посему и наши мальчишеские симпатии, и предпочтения рассматривались с обязательным учётом сего факта. Конечно, мы увлекались, влюблялись в наших сверстниц и часто не без взаимности. Но каждый факт «дружбы» конкретного мальчика с конкретной девочкой моментально становился «достоянием широкой общественности» и протекал обычно под строгим контролем родителей, родственников, близких и дальних, соседей, сослуживцев родителей и так далее.

Танцы на школьных «вечерах», вечерние прогулки по оживлённой набережной, редкие походы в кино – вот и, пожалуй, весь набор вариантов общения.

Между храмом, стадионом и парком

Робкие, как бы случайные соприкосновения рук заставляли сердце биться с удвоенной силой, а «добытые» иногда невинные поцелуи «в щёчку» становились волнующим событием, не дававшим потом уснуть всю ночь. Ни о чём большем по отношению наших сверстниц мы даже и не мечтали.

Двоякость ситуации, о которой я вёл речь выше, в том-то и заключалась, что мы, мальчишки, на самом деле не были монахами. Наоборот, юноши-южане созревают рано, и, конечно, тема любви, романтических отношений с женщинами очень даже волновала. Ведь этот самый «флёр», о котором я говорил, не обходил нас стороной.

Вспоминаю забавную историю. Как-то раз, будучи в классе пятом-шестом, я обнаружил дома в книжном шкафу, мамины учебники по акушерству и гинекологии, тексты в которых сопровождались большим количеством очень подробных и наглядных рисунков. Естественно, первое, что я сделал, так это «потацил» книги в школу, где на большой перемене предъявил рисунки одноклассникам.

Картинки вызвали огромный интерес у мужской части класса, тут же возникла стихийная конференция на заданную тему с детальным обсуждением материала, с соответствующими репликами и комментариями. Мы так увлеклись, что ослабили бдительность, так что всех застукали на месте преступления, как говорится.

В результате виновник, «закопёрщик», то есть я, был препровождён с вещественными доказательствами в кабинет директора школы!

Вера Константиновна, наша директриса, была добрейшим человеком, к тому же бывшей студенткой моего отца, которого она глубоко уважала, а посему часто прощала мне мои «художества». Но сегодняшний проступок выходил за рамки привычных школьных происшествий, ни с чем подобным здесь ещё не сталкивались, и, конечно, сама директриса и завуч находились в смятении, да и в некотором смущении, учитывая щепетильность темы.

Я же, интуитивно уловив это самое смущение, решил, согласно классической поговорке, использовать в качестве обороны нападение.

– Вера Константиновна! – возмущённым тоном выдал я моментально возникшую в голове достаточно длинную, но не лишённую логики тираду:

– Не могу понять, что вызвало такую реакцию классного руководителя. Вы прекрасно знаете, что у нас в плане стоит сочинение на тему: «Кем ты хочешь стать?»! Я уже решил – врачом, причём, как и моя мама, хочу стать гинекологом. Я поделился своими мыслями с одноклассниками, но многие ребята не поняли, что же я имею в виду. Так вот, чтобы не объяснять на пальцах, чем гинеколог-акушер отличается, скажем, от врача ухо-горло-нос, я и принёс ребятам эти учебники. Теперь они разобрались принципиально и одобрили мой выбор! А тут меня, как преступника на аутодафе, ведут под охраной в Ваш кабинет! Пожалуйста, распорядитесь, чтобы мне вернули книги.

Говорят – наглость берёт города! Дело в том, что мой монолог явился ещё и «спасательным кругом» для директора школы!

Между храмом, стадионом и парком

– Вот, Вы же видите, – обращаясь к завучу, уверенно произнесла она – мальчик ничего плохого не замышлял. Просто он ещё не очень хорошо понимает, о чём можно открыто говорить со сверстниками, а о чём нежелательно. Проводите его домой и там у дома верните книги!

– А ты, я надеюсь, сделаешь правильный вывод! – Эта фраза уже предназначалась мне.

Мужское население города, вынужденное жить зимой по строгим законам «гор», очень даже «оттягивалось» летом, когда начинался курортный сезон, и город заполняли отдыхающие, «курортники», среди которых, так уж повелось, было огромное количество женщин, красивых, свободных, не имеющих ничего против мимолётных курортных романов.

Но это не значит, что и не в «сезон» все без исключения горожане придерживались пуританского образа жизни. В эпоху моей юности, например, минимум две особы женского пола, известные всем, Машка и Марго, открыто торговали телом. Правда местные мужчины редко пользовались их услугами, боясь подхватить какую-нибудь «нехорошую» болезнь. Так что дамы работали обычно на железнодорожном вокзале, находя клиентов среди одиноких приезжих мужчин. Но и среди внешне благопристойных женщин и девушек находились такие, о которых говорят: «исключение из правила, правило подтверждающее»!

В первый раз меня совратила в пятнадцать лет разбитная и шумная Сусанна, из старшего класса. Девочка была явной акселераткой, довольно рано

сформировалась физически, в силу чего восьмиклассницей была выдана замуж за дальнего родственника, недавно демобилизованного из армии. В регистрации брака сельсовет отказал, так что расписались молодые только после рождения ребёнка, которого девица уже носила, как говорится, под сердцем.

Но спустя три месяца неукротимая Сусанна «наставила рога» новоиспечённому супругу с офицером ближайшей воинской части, была застукана на месте грехопадения, в служебном военном «Козлике» и с позором изгнана из семьи свёкра. Родителям пришлось взять воспитание внука на себя, а распутницу отправить из родного села в город, к тётке, которая и определила девицу-переростка в ближайшую среднюю школу, то есть – в нашу.

Конечно, никто в школе не знал о приключениях сельской Кармен. По крайней мере, на первых порах.

На школьном «вечере» во время танца Сусанна вдруг шепнула мне:

– Знаешь, а я тебя полностью оккупирую сегодня. Ты мой и только мой. Договорились?

Меня совершенно не смутили слова девушки, произнесённые с улыбкой. В конце концов, почему и не пофлиртовать, в шутку?

– Договорились, – так же шёпотом ответил я.

Я даже, по неопытности, не придавал значения тому, как порывисто вдруг прижалась ко мне Сусанна. Как бы случайно, на секунду, всем телом.

Танцы в школах были традицией. До этого я танцевал со многими девушками, но не помнил ничего подобного. Неожиданный импульс, похожий на не-

Между храмом, стадионом и парком

сильный электрический разряд, пронизавший всё тело, прилив жара, дрожь в руках и лёгкое головокружение. Отчего вдруг? Я догадывался – отчего, но времени на анализ не было.

– Мне нужно домой, к тёте, проводи меня, – дыша мне прямо в ухо, попросила девушка.

И опять от неожиданного жара запылали щёки и лоб.

Вечер был тёплым. Смеркалось, но было достаточно светло. Чтобы сократить путь, решили идти через Пионерский парк. Парк располагался недалеко от школы, на отшибе. По вечерам он был, как правило, безлюден.

Здесь, в Пионерском парке, в зарослях густого кустарника всё и произошло.

Честно говоря, я не мог себе даже представить подобного натиска, пылкого, агрессивного и уверенного.

Да, я и раньше целовал сверстниц, но это были невинные, робкие, иногда обманом сорванные мгновенные прикосновения губами к девичьим щекам.

Как целуются взасос я, к своему стыду, знал только по фильмам. Сегодня же мне предстояло пройти «ускоренный курс» возмужания, причём по всем дисциплинам сразу.

Всё было впервые. И взрослые поцелуи, и возможность ласкать упругое и податливое девичье тело.

Меня смутило, когда Сусанна ловким движением стянула с себя платье и сорвала лифчик. Конечно, как любой подросток, я знал, как устроена женщина. Но одно дело фотографии сомнительного качества, которые продавали глухонемые в электричках и цы-

гане у Центрального рынка, или рисунки из маминых медицинских книг, и совсем другое дело, когда рядом с тобой доступная, манящая тёплая плоть, наполненная энергией страсти и желания.

Я долго не осмеливался дотронуться до груди девушки и так и не заставил себя смотреть на её тело, когда она сняла оставшееся бельё.

В конце концов, инициативу полностью взяла на себя Сусанна. От начала и до конца.

Ночью я не мог заснуть. Память постоянно возвращала в Пионерский парк. Я пытался, уняв эмоции, вспомнить все детали, все тонкости своего любовного приключения и оценить его объективно.

С одной стороны, я вроде бы купался в лучах славы. Ну как же! Вот и я стал настоящим мужчиной, мачо, опытным сердцеедом и состоявшимся любовником. И теперь мог с пониманием и даже с некоторой высоты внимать восторженным рассказам своих друзей-сверстников об их похождениях. С пониманием – потому-то уже знал предмет, а с высоты – потому что большинство историй были моими друзьями просто выдуманы.

С другой стороны, меня смущало многое из того, что произошло вчера. К примеру, полная неожиданность происшедшего, к которой я оказался не готовым. Безумный темп действий, заданный партнёршей, её натиск, не дававший возможности приспособиться, понять и принять правила игры. В результате сознание моё, мои эмоции оказались психологически заблокированы.

Между храмом, стадионом и парком

И если физиология всё же взяла своё, и «дама сердца», как мне показалось, осталась довольной, сам я явно доволен не был. Впечатления мои были далеки от тех романтических встреч и страстных любовных свиданий, что виделась мне во снах, о которых я часто читал и, чего греха таить, тайно мечтал.

Сегодня же в памяти всплывали только стыд, неудобство поз, раздражающий запах чужого пота, неестественные и слишком громкие стоны девицы. И страх, что в любой момент раздвинутся ветви кустарника, и мы, двое обнажённых подростков, окажемся в центре гогочущей толпы.

К рассвету я окончательно решил, что ни при каких обстоятельствах с Сусанной больше дел иметь не буду. И тут же уснул, будто сняв с души тяжкий груз.

Засыпая, почему-то вспомнил фразу из газетного объявления о гражданской панихиде усопшего горожанина. В тексте обозначался час окончания ритуала и было написано: «Доступ к телу прекращается».

Конечно, какое-то время я вспоминал о своём приключении, потом оно постепенно выветрилось из памяти вместе с образом искусительницы, которую из школы куда-то забрали родственники.

Жизнь на школьной территории между храмом, стадионом и парком продолжалась, суля новые знания, опыт, приключения, открытия.

* * *

Мне с детства нравилось зарисовывать всё интересное, что привлекало внимание, или придумывать сюжеты, ложившиеся потом на бумагу.

В конце концов, родители отвели меня в городскую художественную школу. Директором в те времена был Николай Онуфриевич Табукашвили. Прекрасный живописец, он обладал даром устанавливать добрые, доверительные отношения с учениками, умел распознавать скрытые в детских душах таланты и тонко, ненавязчиво «подталкивал» каждого в нужном направлении. И с чувством юмора у него было всё в порядке.

После просмотра моих рисунков и дружеского собеседования я был принят. Как выяснилось позже, решение о зачислении предопределило мою дальнейшую судьбу.

Школьный интернациональный коллектив оказался дружным и весёлым. Классов как таковых не было, так что мы, ученики, занимались вместе по одной программе независимо от разницы в возрасте.

Несмотря на характерное для подростков озорство, а порой и разгильдяйство, Николаю Онуфриевичу удалось самое, пожалуй, важное – он привил нам любовь к тому, чем мы занимались, и огромный интерес к жизни, воспринимаемой опять же через призму искусства.

И ещё он научил нас относиться с юмором ко всем жизненным ситуациям.

С улыбкой вспоминаю забавные случаи, происходившие в стенах школы.

Как говорится, «материальная часть» заведения была очень скромной. Директору приходилось периодически покупать на рынке из скудной своей зарплаты фрукты и овощи для учебных натюрмортов.

Между храмом, стадионом и парком

Здесь надо пояснить, что школа располагалась на первом этаже двухэтажного дома, на втором же находилось общежитие для наших иногородних учеников и студентов музыкального училища. Учтивая, что двери первого этажа были хлипкими, а аппетит жителей второго этажа как раз очень даже не «хлипким», наутро из предметов, составлявших вчерашний натюрморт, оставались только несъедобные: драпировки, керамические кувшины или вазы, ну и огрызки былой рыночной флоры.

Однажды, закончив постановку новой композиции, Николай Онуфриевич, хитро улыбаясь, поставил рядом с натюрмортом картонную табличку. На ней крупными буквами было написано: «Кушать фрукты не рекомендую, они облиты керосином, можно отравиться».

От натюрморта действительно исходил характерный знакомый запах, различимый даже здесь, в классе, в воздухе которого постоянно витал «букет» ароматов красок, растворителей, лаков. Директор довольно потирал руки. Ну вот, найден способ борьбы с ночными едоками. Вряд ли теперь даже самый голодный подросток решится употребить в пищу керосин.

Какой же наивностью оказалось предположить нечто подобное.

На следующий день на столике рядом с драпировками сиротливо лежала лишь виноградная кисточка. Без ягод, естественно.

Николай Онуфриевич не сдавался. Вернувшись, в очередной раз с рынка, поставив натюрморт, он демонстративно достал бутылку керосина, медицин-

ский шприц и терпеливо, методически, «поставил укол» каждой ягоде принесённого винограда и каждому фрукту в отдельности. Теперь-то всё! «Против лома нет приёма»! Конечно! «Окромя другого лома»! Я понятно намекаю?

Когда «троглодиты» сожрали и эту «снедь», директор опустил руки. Позвонил своим друзьям в Тбилиси, и нам прислали из Академии художеств несколько наборов овощей и фруктов, выполненных из стеарина. Муляжи выглядели настолько правдоподобно, что директор на всякий случай заготовил новую табличку, где предлагал едокам избрать и делегировать одного доверенного «эксперта», который попробовал бы стеариновые изделия, как говорится, «на зуб», и выдал авторитетное заключение о несъедобности реквизита. На этот раз вопрос был закрыт!

Моему другу Павлу захотелось попробовать себя в лепке. Группу скульптуры в школе вёл Юрий Чкадуа, недавний выпускник Тбилисской Академии художеств. Для занятий ему выделили небольшую отдельную комнату, стеллаж, два стола, а также несколько гипсовых голов и фигур в придачу. Замка на двери комнаты не было.

Юрий показал Паше несколько обязательных начальных навыков, необходимых для работы с глиной, предложил выбрать любую из гипсовых голов и попытаться вылепить её копию. А уже потом продолжить обучение, используя хоть и небольшой, но наработанный учеником личный опыт.

Ученик так и поступил, выбрал одну из женских голов и приступил к работе. Так сложилось, что при-

Между храмом, стадионом и парком

ходил он обычно в аудиторию в неурочное время и «творил» в одиночестве. Сначала ничего не получалось, но будущий скульптор был юношей с характером, к жизни и творчеству относился философски, а любые трудности считал временными.

– Знаешь, Вова, – рассказывал он мне потом – несколько дней я реально мучился, но дело, в конце концов, пошло, с каждым днём мне работалось всё легче и всё интересней, а спустя время я с ужасом осознал, что влюбляюсь в женщину, чей портрет я усердно копировал. Она стала приходить каждую ночь в мои сны, печально глядела на меня, покачивала головой, ничего не говоря. Глаза скульптуры были прикрыты, а ночью, во сне я не мог разглядеть их цвет, рот её застыл в скорбной гримасе, и вообще лицо женщины несло на себе печать горя. Меня терзала мысль, что я не знаю причин этого горя, не могу ничем помочь своей любимой, и сознание своей беспомощности мучило меня всерьёз.

Прошло время, Павел закончил работу, и решил показать её своему наставнику.

Я хорошо помню этот день, ибо и я находился в школе. Юрий пригласил всех в аудиторию.

В окна широкими тёплыми, радостными потоками текли солнечные лучи, в непривычно светлой комнате на столе рядом стояли две головы, гипсовая и глиняная, точная её копия, а рядом со столом, скромно опустив голову, стоял автор копии.

– Дорогие друзья, – торжественно произнёс преподаватель, обращаясь к нам, ученикам, – я собрал всех, чтобы в вашем присутствии похвалить и поздравить нашего коллегу Павла с успешным за-

вершением первого, но очень сложного задания! Собственно, сложность задания «на совести» самого Павла, ибо именно он выбрал, пожалуй, самый сложный для копирования объект. Ведь мне не надо напоминать вам, что это фрагмент скульптуры великого Микеланджело. Оригинал её находится в Париже, в Лувре, называется она – «Умиравший раб»!

Надо было видеть лицо моего друга в тот момент! Через некоторое время он расскажет, как тяжело перенёс сей удар судьбы и как радовался, что никто, кроме меня, не знал о его любви к печальной «незнакомке»!

Много лет спустя, встретив Павла, я пошутил:

– Павлуша, какое счастье, что ты не Пигмалион, а то оживил бы любимую свою Галатею, всю, целиком, а тут вдруг такой облом в нижней части тела!

Часто встают перед глазами лица друзей моих по художественной школе: Валерия Гамгия, Венеры Гагулия, Темура Дидишвили, Володи Войцеховского, Василия Мхонджиа, Виталика Лакрба, Гурама Гетия...

Многие, к сожалению, уже ушли за грань, разделяющую жизнь на «сейчас» и «потом»! Иных судьба разбросала по разным странам и континентам.

Годы пролетели, «просвистели, как пули у виска», но память продолжает цепко удерживать эти живые, чёткие, как карандашные наброски, картинки из моего детства.

В эпоху моей юности имели хождение многочисленные анекдоты, в том числе с местной спецификой, так сказать, с региональным ароматом.

Вот, к примеру, – призывают в Советскую армию парня из горного села. Отправляют его в строительный батальон, в окрестности озера Байкал. Тёплые казармы, непривычная и невкусная, но обильная еда, в общем, жить можно, да вот неувязка – солдат по-русски не «бум-бум». Командует старшина – «принести лопату», показывая знаками, для чего лопата служит, и вроде всё понятно, и головой новобранец кивает, а сам умудряется не начальству инструмент шанцевый доставить, а самому плац перекопать, да и землю вёдрами за территорию чести вынести.

Видит командир художества сии, ну и старшина «впаивает». А старшина, понятно, новобранцу: «Дурак ты, ... твою мать», ну и нарядов несколько в придачу, сортиры солдатские чистить.

Однако усваивает потихоньку новобранец, чего нужно бывает начальству, слова русские запоминает. Вот и притаскивает с радостью лопату, когда снова её требуют. «Молодец, – хвалит старшина, – спасибо, солдат!»

По прошествии полугода пишет сын письмо матери в горное село на родном языке. Так, мол, и так, мама, служу нормально, хоть здесь и мороз, но одежда тёплая, да и кормят хорошо, три раза в день. Начальство доброе, только один, старшина называется, строгий, а так ничего. За полгода службы я получил 167 «... твою мать» и 43 «спасибо».

Отвечает сыну мама, ну и дела, а правда ведь, что эта Красная армия наша воистину народная, ведь когда твой дядя Артём служил у меньшевиков, так их кормили один раз в неделю, а сапог выдавали одну пару на двоих солдат, да и эти потом назад забирали.

В общем, сынок, ты там присмотрен благодаря родному нашему Советскому правительству, а здесь, в горах, совсем нас колхоз задушил, ты ведь знаешь. Поэтому, прислал бы ты своей любимой маме тех, которых у тебя 167, ну тех, что тебе дали в награду, а оставшихся 43-х штук, тебе хватит, я думаю, если их разумно расходовать.

К чему это я анекдот вспомнил? Поясню чуть позже.

В школьных программах в советские времена значился предмет – «военное дело». Предназначен он был мальчикам. Девочки же в это время изучали что-то типа домоводства отдельно в другом помещении.

В моей школе преподавателем или, как мы его называли, военруком был пожилой, но неплохо сохранившийся отставной майор. Небольшого роста, щуплого телосложения, с тихим, совершенно не «командирским» голосом, он скорее походил на учителя истории, литературы или географии, но никак не на бывшего военного, специалиста по грозному «военному делу». Да и характером он обладал мирным, был мягким и сговорчивым.

Мы, школьники, относились к нему с нежностью и теплотой и, как могли, опекали. Был он для нас кем-то вроде «сына полка», только наоборот.

Между храмом, стадионом и парком

Уроков военного дела мы, как правило, ждали с нетерпением, ибо...

Были у нашего учителя два секрета Полишинеля, известных всей школе.

Во-первых, майор любил «тайно» прикладываться к стаканчику. Перед уроком, как правило. Нормой была одна стограммовая ёмкость, к которой полагался кусочек лаваша и блюдечко с квашеной капустой «по-гурийски».

Почему слово – «тайно» – в кавычках? Да потому, что военрук принимал горячительное в будочке мелкой розницы, стоящей в тридцати метрах от входа в школу, где дядя Ражден, продавец, похожий, как две капли воды, на товарища Сталина, носивший такую же рубашку цвета хаки с нагрудными карманами, как и Отец народов, приторговывал домашней чачей и щедро делился со всей округой информацией о своих клиентах.

Все знали о «тайной» привычке военрука, но школьное начальство закрывало глаза. И действительно, не могли же отразиться на профессиональной деятельности отставного майора какие-то жалкие сто граммов чачи.

Во-вторых, военрук был, очевидно, человеком... как бы это сказать, «озабоченным», ну, по женской части. Ибо каждый, обычно сдвоенный урок военного дела, превращался в увлекательное и, как правило, смешное, но весьма познавательное путешествие с майором в военные годы. Почему смешное? Потому что преподаватель плохо владел русским языком, говорил с чудовищными ошибками и сильным акцентом, порой забавно выстраивая свою речь,

коверкая слова так, что нам, школьникам, приходилось с трудом скрывать смех.

Но главное то, что военные истории майора обязательно включали в себя сюжеты, наставления и даже инструкции по поведению в ситуациях, когда речь шла о физиологии, конкретно в плоскости отношений между мужчиной и женщиной.

Вот, к примеру, образчик такой инструкции (с попыткой сохранения стиля и лексики оригинала):

– Прежде чем вступить с женщиной в палевой снашения, необходимо пойти на аптека и купить имеющийся там предохранитель, – с серьёзным видом напутствовал военрук нас, учеников старших классов, уже прекрасно знающих, хотя бы в теории, многое из того, о чём он вёл речь. Но, конечно, мы слушали майора с якобы преувеличенным вниманием, делая вид, что он открывает нам глаза на то, с чем нам ещё только-только придётся столкнуться. Когда-нибудь.

А анекдот о нерадивом новобранце из горного села, 167-ми «...твою мать» и 43-х «спасибо, солдат», я вспомнил вот к чему.

И нашего будущего военрука призвали в Красную армию тоже из затерянного в горах села, в аккурат, когда началась так называемая «Финская кампания» 1939-го года, и попал он сразу на фронт. При этом, как и герой анекдота, ни «бум-бум» по-русски.

Но, как и в анекдоте, методом проб и ошибок постигал понемногу боец премудрости «великого» и «могучего» во всём, можно сказать, его богатстве.

И жить (служить), в общем, было можно, только холодно вот очень, спать-то приходилось в палат-

Между храмом, стадионом и парком

ках, а днём мёрзли ноги в тонких сапогах. Хорошо хоть уши в тепле, ибо их защищал плотный суконный шлем на ватной подкладке.

А тем временем вроде война идёт, но странная; где-то, по слухам бои, но где и с кем конкретно – непонятно, стоит часть уже вторую неделю в лесу, недалеко от дороги-зимника, по которой иногда проезжают грузовики, и проходят с надрывным воем двигателей небольшие колонны танков. Ну, и самолёты, конечно, в небе летают, но изредка.

Однажды рано утром вызывают героя нашего к командиру части. И командир лично сообщает бойцу, что решил доверить ему очень-очень важное задание.

– Необходимо, товарищ красноармеец, – медленно, с расстановкой говорит командир, зная, что новобранец владеет русским, скажем так, не очень уверенно, – добраться до наших танкистов и вручить командиру вот этот пакет. Понимаешь?

– Да! – отвечает боец, стоя по стойке «смирно». И, перепутав всё на свете, радостно и торжественно добавляет: – Служу Савецки Саюза!

– Ладно! – улыбается командир. – Вот тебе пакет, пойдёшь направо, но не по дороге, а рядом с ней, параллельно, понимаешь? Там наши уже ходили, есть тропинка, понимаешь? А по дороге нельзя, там на деревьях «кукушки» сидят, снайперы финские, понимаешь? Ты, правда, понимаешь? А то всё головой киваешь да киваешь. Ну ладно, раз так. Идёшь, значит, по тропинке, всё время прямо, никуда не сворачивая, восемь километров, это часа два примерно, и выходишь прямо на часть. Часовому скажешь, что

пакет у тебя для командира, и передашь. И он, возможно, передаст что-либо для меня. Сразу же назад. Ты понял, боец? Отлично, раз понял. Выполнять!

Выдали нашему герою «сухой паёк», валенки с шерстяными носками вместо сапог и белый маскировочный халат с капюшоном.

И ступил он, как и было приказано, на узкую лесную тропинку в нужном направлении.

Стоял светлый, солнечный, в меру морозный день. Мороз, кстати, почти не ощущался, к тому же было безветренно. Да и для нашего героя, горца, холод не был экзотикой! Зимой в горах Кавказа морозные дни, а особенно ночи – дело привычное.

Воздух был чистым, прозрачным и сухим, дышалось легко. Он даже пьянил немного, этот непривычный финский воздух, будто настоящий на хвое величественных, очень высоких сосен, между которыми петляла в нужном направлении почти незаметная тропинка.

В тени деревьев снег светился загадочным голубоватым светом, на кронах же сосен и на части ветвей вспыхивал неожиданно под яркими солнечными лучами розовым или оранжевым.

В лесу царили мир, покой и торжественная тишина, не верилось, что где-то совсем недалеко, на опушках среди деревьев люди в военной форме прячут железных монстров, готовых извергать из своих орудий смертоносное пламя, а на стволах высоченных корабельных сосен, спрятавшись в хвое, тайно сидят другие люди, снайперы, которых называют «кукушками», а в руках у них винтовки с оптическими прицелами.

Между храмом, стадионом и парком

В воздухе, выше верхушек деревьев послышался негромкий звук, напоминающий тарахтенье бензинового насоса. Боец остановился, машинально поднял голову. Звук всё усиливался, затем в стороне, над заснеженными кронами сосен промелькнула какая-то тень.

– Самолёт, – догадался наш герой.

Через несколько секунд в небе опять затарахтело, уже громче, и вскоре появился второй аэроплан. Он пролетел совсем низко, почти над тропинкой, на нижних плоскостях крыльев были хорошо видны красные звёзды.

– Наш! – обрадовался боец. Нахлынула гордость за родную Красную Армию, за Советский Союз, за великого и мудрого земляка, руководившего огромной страной из Кремля!

Он широко улыбнулся и ускорил шаг.

Попетляв меж сосен, тропинка неожиданно оборвалась, уткнувшись в широкую просеку. Дорога выглядела безлюдной, однако тщательно укатанный снег со следами автомобильных шин и танковых гусениц указывал, что ею активно пользовались. И, вероятно, совсем недавно.

Оглядевшись, боец пересёк зимник, но продолжения тропинки на противоположной стороне не обнаружил. Этот факт смутил его. Вставал вопрос – куда же дальше? И что делать с пакетом, надёжно спрятанным под шинелью и маскхалатом? Принимать решение нужно было незамедлительно. Почему-то, направление влево на уровне интуиции, показалось более предпочтительным.

И вскоре наш герой, облегчённо вздохнув, обнаружил за поворотом, чуть в стороне от дороги два больших дома, сложенных из бруса. Территория вокруг была обнесена массивным забором, за которым виднелись несколько грузовых машин и три танка, окрашенных белой краской. У ворот дежурили двое часовых в таких же белых маскахалатах с капюшонами, только вместо привычных винтовок за плечами на груди у каждого висели коротенькие, будто игрушечные, ружья с круглыми, как консервные банки, приспособлениями под стволами.

Боец вспомнил, что такие же он видел издалека у солдат, сопровождавших приезжавшего неделю назад в часть большого военного начальника.

– Интересно, – произнёс он негромко, – а дома здесь и раньше были или танкисты сами их побыстрому построили?

Но времени на поиск ответа не было.

Растеряв от радости почти весь запас русских слов, подойдя к часовому, просто предъявил тому пакет и указал рукой на здания; мол, начальство же ваше там, скорее всего. Вот туда мне и нужно, передать послание.

Часовой всё понял, но вестового в калитку не пустил, чётким, волевым движением отобрал пакет, махнул рукой второму часовому, подзывая к калитке, сам же, не дав опомниться нашему герою, быстрым шагом направился к ближайшему дому.

– Покорят меня здесь? Если нет, надо съесть «сухой паёк» и тут же назад, – рассуждал боец в ожидании ответа от командира танковой части.

Между храмом, стадионом и парком

Где-то вдали опять затарахтел невидимый пока самолет.

Через несколько минут дверь дома отворилась. На пороге показался часовой в компании с высоким военным, одетым в незнакомую серую форму, очевидно, танкистскую. Ружьё часового уже не висело на груди, он держал его в руках.

Звук авиационного мотора становился нестерпимо громким, затем машина появилась над зимником, и к характерному шуму двигателя прибавился нарастающий свист.

Внезапно будто ударила по глазам яркая вспышка света, на миг ослепив, затем раздался ужасающий грохот. Неведомая сила оторвала тело бойца от земли, отбросив на добрый десяток метров от калитки. Теряя сознание, успел он увидеть, как крышу одного из домов подняло в воздух, она развалилась на части, и огромные горящие куски кровли, вместе со стропилами рухнувшие на землю, накрыли стоящие грузовики и две человеческие фигурки, спешившие к калитке.

Сколько пролежал без чувств, определить было трудно, но, в конце концов, медленно стал приходить в себя, не понимая, правда, где он и что с ним произошло. Звуки воспринимались неестественными, искажёнными, и только правым ухом, второе же не слышало совсем, сукно красноармейского шлема под капюшоном слева оказалось влажным и липким.

Да и со зрением далеко не всё было в порядке, глаза воспринимали окружающую картинку нечёткой, будто наблюдаемой через мокрое стекло. К тому же в голове гудело, будто находилась она внутри ста-

рого церковного колокола. Он помнил медный этот гул с детства, когда забрался как-то на колокольню заброшенной церкви в соседнем селе и спрятался внутри колокола.

Зрение постепенно восстанавливалось, а вместе с ним и способность хоть как-то оценивать происходящее.

Он лежал в сугробе рядом с порушенным забором, во дворе же догорали бесформенные остатки домов и остовы грузовиков. Танки, недавно буквально сиявшие девственной белизной, сейчас были сплошь покрыты чёрной копотью.

В памяти возник военный в непривычной серой шинели, низко летящий самолёт, рёв двигателя и резкий, закладывающий уши, свист.

«А потом? Что случилось потом? Слепящий свет, грохот, удар! Землетрясение? Да нет же! – осеңило вдруг, – он же сбросил бомбу, значит, оказался вражеским, этот самолёт. Вот ведь в чём дело».

Боец попробовал подняться, но левую сторону тела пронизала острая боль, и он снова потерял сознание.

Очнувшись, услышал шум моторов. Из-за поворота медленно выползли один за другим несколько танков и грузовых автомобилей с тентами. Бронированные машины на этот раз были привычного серо-зелёного цвета.

Колонна остановилась невдалеке, рядом с остатками ворот. Из первого танка выбрались двое мужчин в чёрных комбинезонах и танковых шлемах. Знаки отличия на одежде отсутствовали, но один из них, крупного телосложения, явно был командиром.

Между храмом, стадионом и парком

Из кузовов автомобилей высыпали бойцы, часть из них по знаку командира отправилась на пепелище, остальные построились, ожидая, видимо, дальнейшего приказа.

Опять загудели вдали двигатели, теперь с другой стороны дороги показалась автомобильная колонна, впереди которой двигался броневик с красной звездой на боку. Наш герой узнал машину, она была приписана к его части. И действительно, на ней, как оказалось, прибыл командир, вручивший, в своё время тот самый злополучный пакет, судьба которого стала загадкой.

Боец, собравшись с силами, снова попытался встать, но смог всего лишь сесть в сугробе. К нему устремились с винтовками наперевес несколько красноармейцев.

– Финна живого нашли! – громко кричал один из них, держа нашего бойца на мушке, – руки подними, гад. – Эта фраза предназначалась уже самому «финну»!

– Деда ватирэ»! (Мать твою). Какая я тэбэ фина! Грузин я, грузин! Советски я! – в сердцах произнёс наш герой, но руки на всякий случай поднял.

– Грузин?! – опешил красноармеец. – Но откуда?!

– Специальни задания имел! – поважничал боец, опуская руки, – там мая начальник стоит, пазави ему сюда!

Командир подошёл в компании с танкистом.

– Тебя как сюда занесло? – удивлённо спросил он. – И где пакет?

– Ваша приказа выполнил! – бодро, как ему казалось, доложил боец. – Пакета вручил!

– Вручил? – этот вопрос был адресован уже танкисту.

– Пакет? Какой пакет? Я твоего вестового вообще первый раз в жизни вижу. – Пришла очередь танкиста удивляться.

И когда сбивчиво, путая слова, включая язык жестов, кое-как объяснил боец, что же произошло, между командирами, отошедшими с сторонку, состоялся примерно такой разговор:

– И что теперь с этим мудаком делать, который секретный пакет врагу добровольно, сознательно отдал? Расстрелять на месте или под трибунал отдать, а, Васильич?

– Да, ладно, чего это ты таким кровожадным вдруг стал. Новобранец же! Неопытный. Старался ведь! Задание и вправду выполнил. Ну, перепутал слегка. Бывает. Финны ведь тоже в маскхалатах, пойдди там разбери. А тут и наступление наше кстати пришлось! Базу неприятеля уничтожили. Пакет к тому же сторел, нет его больше. Да и ценности в нём, как теперь оказалось, нет. Никто ведь не знал, что командующий примет такое решение. И что новый приказ мы получим оперативно.

Теперь у нас на всех направлениях полная победа! А ты – расстрелять на месте! А парень, ко всему, ещё и грузин. Соображай! Так что отправляй ты его в госпиталь, а фамилию укажи в наградном списке, мол, внёс товарищ весомый вклад в победу над врагом!

Вот так, волею судьбы, получил будущий наш военрук первую свою боевую награду. В дальнейшем отправили орденоносца, героя, можно сказать, на

Между храмом, стадионом и парком

артиллерийские курсы, по окончании которых получил он «ромбики» младшего командира. Потом – Великая Отечественная... В общем, демобилизовался в конце сороковых в звании майора.

Кстати, эту историю наш герой сам рассказал лично мне, по секрету, когда, спустя годы, мы случайно встретились на набережной. Я позволил себе пригласить бывшего наставника в кафе, выпить по рюмочке. Военрук приглашение, к моей радости, принял!

Я задумываюсь порой, как же непредсказуемо и загадочно складываются судьбы тех или иных людей. Возможно, благополучное завершение истории с пакетом было задумано в небесной канцелярии, но, на мой взгляд, здесь сыграли свою роль и объективные факторы.

Во-первых, напоминаю – всё произошло во время «финской кампании», то есть когда ситуация складывалась далеко не столь трагично, как в грядущей страшной войне, не существовало приказа – «Ни шагу назад», не зверствовали пока фронтовые особы.

В стране царила определённая эйфория по поводу победы над финнами, а у советского вождя, Верховного главнокомандующего, грузина Иосифа Сталина, в то время действительно был непререкаемый авторитет!

Заканчиваю рассказ, а в ушах продолжает звучать негромкий голос военрука, с радостью и ответственностью наставляющего нас, школяров: «Прежде чем вступить с женщиной в палевую снашения...»

Пролетели годы, растворились в тумане времени многие события и факты из моих детства и юности, весёлые и грустные. Жизнь приблизилась вплотную к тому периоду, который называют финишной прямой.

Но при этом память продолжает удерживать со всеми малейшими деталями, в цвете, в качестве, как сейчас модно говорить – 3D, реалистические картинки того, что происходило когда-то, в том числе на благословенном «пяточке» между храмом, стадионом и парком, в сухумской средней школе №3.

Ну и, конечно же, стоит опустить веки, как передо мной возникают лица моих школьных друзей. Разные путеводные звёзды, разные предназначения в жизни, разные судьбы... Но смело могу утверждать, все они – Личности! Каждый по-своему уникален, а истории жизней некоторых – готовые сюжеты для увлекательных толстых романов!

За написание романа я взяться не рискнул, но на повесть об одном из друзей решился! О человеке, в определённом смысле гениальном, в котором врождённые способности, философский склад ума, трудолюбие и тяга к знаниям причудливым образом переплелись с авантюризмом, криминальным талантом, и неуёмным азартом.

Uzrok

Я артист, я игрок. Игрок в каждой мелочи, в каждой сцене реальной жизни. Без игры – я труп. Деньги для меня вторичны, главное – перманентное творчество. Non stop. Двадцать четыре часа в сутки – игра.

Александр Потёмкин

Известие настигло меня уже в Москве, на третий или четвёртый день после возвращения. Шёл привычный, рутинный процесс акклиматизации, я только-только начал приходить в форму.

Долго не мог сообразить, о чём или о ком ведёт речь незнакомый мне человек, звонивший на расвете с другого континента, а может, вообще с другой планеты, говоривший негромким хриплым голосом с сильным акцентом.

– Что? Плохо слышу Вас. Кто, кто умер? Нет, простите, я не расслышал имя. А кому Вы вообще звоните? Да, это действительно я. Как Вы говорите – какой сеньор? О да, конечно, теперь ясно, о ком речь. Но Вы ошибаетесь, уважаемый, он жив и здоров, мы виделись всего несколько дней назад. Да, да, именно там. Да, в ресторане. Тромб, Вы говорите? Скоропостижно? Действительно умер?

Разговор давно закончился, но я продолжал машинально держать у уха телефонную трубку, из которой доносились короткие беспокойные гудки.

Наконец до меня дошло, я осознал смысл произошедшего. Вспомнилось, как в юности один знакомый остро слов произнёс с умным видом фразу: «Существует расстояние между ушами и серым веществом внутри черепа. Чтобы это расстояние преодолеть, организму нужно время на дорогу». Произнёс, когда компания друзей встретила гробовым молчанием рассказанный им анекдот. Наградой, спустя мгновение, был дружный хохот и аплодисменты.

Видимо, в конце концов, и мой организм справился, одолев тот самый путь от ушей. Но серое вещество продолжало отчаянно сопротивляться, не желая принимать услышанное мною как факт.

Он что, вправду умер?! Но ведь немыслимо было даже представить такое сочетание слов: он и смерть! Смерть и он! Постойте, а может, это хохма? Очередная мистификация? Ведь по части приколов и розыгрышей именно он был специалистом высочайшего класса. Магистр, профессор, нобелевский лауреат, образно говоря. И сейчас, скорее всего, хохочет где-то над нами!

Из-под опущенных век предательски выкатилась капля тёплой влаги, стекла по щеке и затерялась где-то под скулой. Перед глазами возникла вдруг чёткая цветная, но почему-то беззвучная картинка: яркая скатерть, старинные гравюры в тёмных рамках на стене, огромный пирог цвета солнца на белом блюде, и он, Эдуард, Эдо, со стаканчиком граппы в руке, весёлый, сам какой-то солнечный, с сияющими глазами, смеющийся и жестикулирующий, очевидно произносящий тост...

Картинка исчезла. Почему-то я представил, как он, обнажённый, лежит на чёрном дубовом столе, беззащитный, холодный. Ведь ночи там, где он жил последние годы, бывают очень даже морозными...

Меня самого словно бы поместили в некий замкнутый и холодный объём, в неуютное пространство волнения и печали. В голове моей, казалось, кто-то щёлкал пультом управления, выдергивая из памяти, как видеоролики, фрагменты сюжетов из прошлой жизни, связанные так или иначе с другом моего детства по имени Эдуард. Картинки возникали беспрядочно, вне какой-либо системы или хронологии.

В какой-то миг я вдруг увидел циферблат настенных часов, стрелки на которых двигались с огромной скоростью, вопреки правилам в обратном направлении. «А время-то раскручивается назад», – подумалось мне.

Гигантским тёмно-коричневым ковром уходили за горизонт вспаханные поля. Недалеко от просёлочной дороги, в тени серого от пыли трактора отдыхал в компании местного почтальона тракторист. Велосипед его собеседника, такой же пыльный, был аккуратно прислонён к гусенице «Беларуси».

Неторопливую беседу нарушил лихо подкативший «Козлик» со снятым тентом и военными номерами. Из остановившегося неподалеку автомобиля вышли, потягиваясь, разминая мышцы, трое молодых людей, один из которых был в военной форме, с капитанскими погонами. Разложив на капоте вездехода большой лист бумаги – то ли карту, то ли

чертёж – мужчины склонились над ним. Водитель, совсем юный солдат, извлёк тем временем из-под сложенного брезента треногу, установил её на обочине дороги и стал прикручивать к ней прибор, издав издали напоминающий бинокль.

Тракторист и его собеседник с удивлением переглянулись, затем почтальон встал, натянул, видимо, по привычке, кепку и направился к военной машине. Однако офицер, не отрываясь от дел, предупредительно поднял руку. Жест означал только одно: приближаться нельзя!

Парламентёр немного потоптался на месте, пожал плечами, оседлал свой двухколёсный транспорт и, оставляя за собой пыльный шлейф, укатил по просёлку.

Примерно через полчаса вдали, в той же стороне, куда ранее уехал почтальон, на дороге возник шар серого цвета, который быстро приближался, увеличиваясь в размере. Впереди этого шара из пыли, опережая его, нёсся на приличной скорости такой же «ГАЗ-69», ласково называемый в народе «Козликом», какой уже стоял у обочины. Скрипнув тормозами, автомобиль остановился в двух десятках метров.

Человек, сидевший рядом с водителем, резко откинул металлическую дверцу, уверенно ступил на пыльный просёлок и быстро зашагал в сторону незнакомцев. Седой мужчина высокого роста, пожилой, но с тренированным телом и прямой спиной, производил впечатление решительного человека. В левой части его серого пиджака, на груди, отражая золотыми своими гранями солнечные лучи, сверкала звезда Героя.

Увидев гостя, капитан поправил фуражку и пошёл навстречу.

– Я председатель здешнего колхоза, разрешите узнать, что происходит? Вы находитесь на нашей земле!

– Представитель Генерального штаба, капитан Доренко, – офицер взял под козырёк. – Я знаю, кто Вы, Кондрат Антонович. Могу только сказать, что выполняю секретный приказ, не подлежащий оглашению!

– Я понимаю, сам в прошлом офицер Советской Армии, Герой Советского Союза! Хотя намекните мне, капитан, в чём дело! И почему меня никто не предупредил о вашем визите? Что, местные власти не в курсе?

– Я говорил, что задание секретное, думаю, что не только местные власти, но и руководство края никто в известность не ставил. Я рискую попасть под трибунал, Кондрат Антонович, – офицер понизил голос, – мой отец тоже воевал... вопрос стоит о строительстве военного полигона, и, к сожалению, земли именно вашего колхоза идеально подходят для этой цели.

– И о какой территории идёт речь? – с дрожью в голосе произнёс председатель.

– Порядка пятисот гектаров, – после паузы очень тихо ответил капитан.

Председатель побледнел.

– Это ведь больше половины пахотных земель! Это – катастрофа! Колхозу просто не выжить!

Постояв некоторое время молча, обречённо махнул рукой и направился к своему автомобилю.

Но, не доходя, остановился, потёр лоб и вернулся к капитану.

– А как тебя зовут, сынок? Владимиром? Так вот, Володя! Что случилось, то случилось! Работу свою вы закончили, а здесь, на Юге России, у нас особое отношение к гостям. Сейчас вы поедете следом за мной, тут совсем недалеко до центральной усадьбы, пообедаем вместе, немного отдохнёте, помоете машину и спокойно отправитесь дальше. И не возражать! В конце концов, я ведь подполковник, хоть и в отставке, так что считайте это приказом!

Стол, накрытый в кабинете председателя на скорую руку со словами: «Чем богаты, тем и рады» – воистину радовал! Чего тут только не было: зернистая икра в хрустальной вазочке, консервированные крабы с надписью «СНАТКА» на металлической банке, сырокопчёная «Московская» колбаса. Загадочным янтарём светился в косых лучах проникающего сквозь окно солнца ростовский рыбец, соседствуя с огромным свиным окороком, тускло поблёскивали глянцевыми боками крупные аппетитные помидоры, дразнили запахами специй домашние соленья, споря с ароматами свежей зелени.

Когда же умывшиеся и немного отдохнувшие в тени веранды гости уселись за стол, в кабинет внесли большой каравай свежеиспечённого тёплого хлеба и огромную сковороду с жареной на шкварках картошкой.

Кондрат Антонович как радушный хозяин следил, чтобы тарелки молодых людей не оставались незаполненными, сам с удовольствием подкладывал им разную снедь, рассказывая при этом, что многое

приготовлено из своих колхозных продуктов по старинным местным рецептам.

Когда председатель распечатал бутылку армянского коньяка «Двин», капитан, улыбнувшись, накрыл ладонью свой бокал.

– Мне, Кондрат Антонович, только минералку, а коллеги мои – люди гражданские, им я не указ!

– Извините, товарищ капитан, Вы сейчас не при исполнении, а у нас есть несколько обязательных для всех тостов, не заставляйте меня, – председатель улыбнулся, – снова применить полномочия старшего по званию, соблюдайте субординацию. Хороший коньяк в небольших дозах никому ещё не вредил. А в качестве первого тоста предлагаю поднять бокалы за мир!

Потом пили за родителей, за советскую власть, за родную Партию, её ленинский Центральный Комитет, за светлое коммунистическое будущее! Выпили, как полагается в мужской компании, за женщин, за любовь и процветание. Потом пили за что-то ещё...

Солнце тем временем давно перевалило зенит, небо за окном, напоминавшее серо-голубое марлевое покрывало, будто напиталось синей краской, тени от деревьев стали длиннее. Пора было собираться в дорогу.

Солдат-водитель, пивший, естественно, только лимонад, отправился за машиной в колхозный гараж, где её уже помыли, и на всякий случай осмотрели слесари.

Гости же шумно и тепло прощались с гостеприимным хозяином. Провожая ребят к двери, пред-

седатель придержал капитана за локоть, взглядом попросив того остаться.

Усадив офицера в своё служебное кресло, Кондрат Антонович вынул из сейфа и положил на стол пистолет ТТ в коричневой кобуре и небольшой металлический ящик.

– Послушай, Володя, сынок. То, что я тебе скажу, не достойно коммуниста, но выбора у меня нет. Это оружие наградное, из пистолета никогда не стреляли, и сейчас от нас с тобой зависит, сохраним мы его благородную девственность или нет. Ты же знаешь, и по нашим местам прокатилась война. Видел бы ты, какое печальное зрелище представляло хозяйство, когда я принял его в 1947 году. Я вложил в колхоз всю свою жизнь, опыт, упорство, нервы, здоровье, наконец. Сейчас – это колхоз-миллионер, один из лучших в Российской Федерации, и главное наше достояние – пахотные земли. Ты понимаешь меня, сынок? Если земли заберут, я пушу себе пулю в лоб! Другого выхода я не вижу, ибо в дальнейшей жизни мне места не будет, и смысла жить не будет!

Слушай меня внимательно – в ящике сорок восемь тысяч рублей, это всё, что было в кассе. Деньги большие, но колхоз справится, будь уверен. Вот смотри, я перекладываю купюры в сумку. Я не знаю, что ты скажешь ребятам и как ты решишь эту проблему. Просьба моя проста – одна строчка в рапорте: эти земли не годятся под полигон! Итак, у нас две чаши весов: на одних моя жизнь, на вторых эта самая фраза! – дрожащим голосом произнёс председатель.

Капитан сидел, опустив голову. Когда он поднял её, в глазах стояли слёзы.

– Товарищ председатель, Кондрат Антонович! – голос военного стал внезапно хриплым. – Я, я... – только и смог выдавить он из себя. Порывисто встал, не глядя на председателя, поднял за обе ручки сумку с деньгами и быстро вышел из комнаты.

Через пять дней команду «маркшейдеров» можно было наблюдать в ресторане ялтинской гостиницы «Ореанда-Интурист». Одетые по последней моде молодые люди удобно устроились на мягких стульях за роскошно сервированным столом в углу зала.

Лёгкий ветерок теребил шторы на окнах, принося извне пряные запахи цветов и морской соли, смешивавшихся внутри помещения с ароматами женских духов и виргинского табака.

Потягивая из узких высоких бокалов коллекционное шампанское «Новый свет», друзья неспешно переговаривались друг с другом, не забывая при этом разглядывать красивых, стильных девушек, коих достаточно много собралось в этот летний вечер в престижном заведении популярного курорта, весёлых, кокетливых, готовых к романтическим курортным приключениям.

Самый младший член группы Даур, в недавнем прошлом «водитель-солдат», восхищенно произнёс, обращаясь к «капитану»:

– Да ты гений, Эдик! До сих пор не понимаю, как тебе удалось всё придумать, просчитать и организовать? Ну, с «Козликом» ладно уже, хозяин, я понимаю, мужик надёжный, не проговорится, надеюсь! Да и найти эту лайбу нелегко будет. Но форма, ксивы, теодолит. Откуда? А главное, как уверенно

и убедительно ты себя вёл. Чего не скажу о себе. Всё время бздел, а вдруг мусора остановят или, что ещё хуже, военная инспекция. Тогда прощай, любимый институт, и, как поётся в популярной песне: «По тундре, по железной дороге, где мчится ско-о-рый “Воркута-Ленинград”».

– Ой, пацаны, сколько же у нас бабок? Не верится даже. Куплю себе белую «Волгу», экспортный вариант, с никелированными молдингами, чувихи в очередь выстроятся, трусиками голосовать будут. Вот покайфую! – сияя, произнёс Виктор, рыжеватый крепыш, которого все ласково называли Витюлей. – Тост за Эдуарда! Эдо, пьём за тебя. Ты чего грустный сидишь, или уснул? Нам всем, кстати, интересно, как тебе в голову пришла такая фантастическая, но, если подумать, блестящая идея?

– А как думаешь ты, Ованес? – повернулся Витюля ко второму «гражданскому специалисту».

– Чуваки, я, как и все. За Эдика! – с радостью отозвался тот.

Эдуард, действительно сидевший с отсутствующим видом, погружённый в свои мысли, потёр виски, возвращаясь в реальность.

– Спасибо, ребята. А я пью за вас! Складывается, я думаю, прекрасная команда, уверен, у нас прекрасное будущее. За нас, за наши успехи! А на вопросы постараюсь ответить тремя цитатами древнеримского философа Квинтилиана: «Честолюбие само по себе, может быть, и порок, но оно часто является источником достоинства», «Надо развивать ум, читая много, а не многих авторов», «Учиться никогда не поздно».

Это как раз про меня. Я честолюбив, это точно, и стараюсь всегда использовать честолюбие как достоинство. Я вправду много читаю и анализирую именно те книги, которые реально нужны и полезны для дела. И делаю это, то есть учусь, постоянно.

А что касается моего грустного, как сказал Витюля, вида, так оказалось, что ещё я – совестливый. Не могу забыть, как обманул достойного человека, фронтовика. Ведь отец мой, Алмасхан, тоже достойно воевал. И вот получается, что я его, по сути, предал. Так что мне трудновато сейчас, но, ребята, даю слово – я справлюсь.

Видеопросмотр в личном домашнем кинотеатре моего сознания завершился, но никто, образно говоря, не включил свет. Опять щёлкнул пульт, и снова засветился, замерцал виртуальный экран моей памяти. Некто извлек из неё, и запустил очередной ролик.

Скорый поезд «Сухуми – Москва» прибыл на Курский вокзал столицы СССР, как и положено, по расписанию, ранним утром. Проводники тепло прощались с благодарными пассажирами, вагоны быстро пустели, когда на перроне появились трое хорошо одетых молодых людей. Разделившись у поезда, они заходили в вагоны и просили у проводников никому не нужные уже билеты.

Я и сейчас хорошо помню небольшие эти прямоугольники из жёлтовато-серого плотного картона, на которых были просечены и читались на просвет все данные: номера поезда и вагона, место в купе, и дата отправления. Проводники отбирали их у пассажи-

ров и складывали в специальные холщовые сумки с ячейками. По окончании рейса билеты возвращали тем, кому они были нужны для отчёта, а остальные, я думаю, просто выбрасывали.

Если у отдельных проводников возникал в тот день из чувства любопытства вопрос к кому-то из необычных визитёров, а зачем тому нужны недействительные уже билеты, да ещё и в большом количестве, хорошо воспитанный юноша с удовольствием объяснял, что он, мол, представитель футбольной команды «Токтогула», которая проводила в Абхазии серию товарищеских матчей. Так сложилось, что спортсменов привезли в Москву на автобусах, но для отчета требуются именно железнодорожные проездные документы. Это, по сути, пустая формальность, но её нужно соблюсти.

Проводниками в те далёкие годы служили в основном мужчины, а футбол являлся самым уважаемым и обсуждаемым в республике видом спорта, посему спросить, что это за Токтогула такая, было равноценно признанию в своей полной футбольной некомпетентности, что грозило в перспективе издевательствами и приколами земляков. Проводники уважительно ахали: ну конечно, «Токтогула», кто же не знает, – и с радостью отдавали билеты.

Через несколько минут тройка «токтогульцев» – Даур, Ованес и Витюля, а это были именно они, покинули территорию вокзала с чувством выполненного долга.

Спустя месяц, в последние дни августа, то есть в конце большого курортного сезона, когда южные приморские города массово покидают отдыхающие,

связанные так или иначе с началом учебного года, а таких набиралось большинство, разгорались нешуточные страсти вокруг простого, казалось, вопроса: «А как, собственно, уехать домой?»

Ведь в те времена билеты «туда-обратно» не продавали, так что те, обратные, курортникам-дикарям приходилось добывать самым любыми праведными и неправедными путями.

В тот день, как и в предыдущие, толпа жаждущих заполучить заветный картонный прямоугольник осаждала городские железнодорожные кассы столицы Абхазии.

Изнывающие от жары люди терпеливо ждали, когда подойдёт их очередь, хотя общение с кассиром совершенно не гарантировало наличие билетов на нужный поезд, а вернее, на любой поезд в нужном направлении.

И вот тут-то на сцене вновь появились «токтогульцы». Благожелательные молодые люди объяснили стоящим в очереди, что в связи с изменением графика футбольных матчей неожиданно стали не нужны купейные билеты на поезд «Сухуми – Москва» на следующий день. И что они, сотрудники администрации футбольного клуба, уполномочены реализовать данные проездные документы по цене их номинала.

Билетов было много, так что когда до измученных жарой, жаждой и стрессом людей дошёл смысл предложения, они ринулись к спасителям, забыв об очереди и заодно о правилах приличия, оттесняя и отталкивая друг друга. Билеты разлетелись, как горячие пирожки.

Позже стало известно, что подобные события, один в один, произошли у железнодорожных касс в Новом Афоне, Гудауте и Гагре.

Обладатели заветных картонных прямоугольников, которым неожиданно повезло, спешили, не веря своему счастью, обрадовать домочадцев,

Они и предположить не могли, какой сюрприз ожидает их на следующий день.

А на следующий день, приехав на вокзал, счастливые пассажиры обнаружили, что их места в вагонах поезда заняты другими, не менее счастливыми людьми, у которых были такие же (ну, или очень похожие) билеты.

Разгорелся невиданный ранее скандал. В конечном итоге на место происшествия прибыли руководители Автономной республики, в том числе все силовики.

Чтобы разрешить сложившуюся драматическую ситуацию, пришлось срочно сформировать дополнительный состав, и вывезти всех обманутых граждан за счёт Министерства путей сообщения СССР.

Расследование ни к чему не привело, хотя к нему был привлечён внушительный десант следователей Генеральной прокуратуры и КГБ. Мошенников так и не нашли, единственное, что было точно установлено экспертами-криминалистами, – на всех билетах после римской цифры VII, что соответствовало июлю, была просечена, при помощи неустановленного устройства, но очень качественно, ещё одна вертикальная полоса, превращавшая VII в VIII, то есть июль в август.

Гениальная в своей простоте идея, я думаю, правда, если не говорить о нравственной стороне операции. Ещё я думаю, что и в ней без труда угадывается авторство известного нам поклонника философа Квинтилиана!

Я сидел в полной тишине, с закрытыми глазами, ожидая следующего сюжета. Но никто не спешил нажимать на кнопки виртуального пульта. Выждав какое-то время, я перехватил инициативу у невидимого режиссёра. Теперь я сам решал, какие именно воспоминания извлекать из архивов памяти и в каком порядке.

Эдика я помню с тех пор, как он появился в нашей школе. Учился я тогда в девятом классе, его же перевели в восьмой, ибо он был младше именно на год. На нового ученика невозможно было не обратить внимания

Было нечто притягивающее, харизматичное в этом подростке. Рослый, на голову выше многих одноклассников, да и старшеклассников тоже, был он спортивного телосложения, хотя спортом не занимался, прекрасно воспитанный, начитанный и доброжелательный. Обладающий недюжинным чувством юмора. Волевое лицо, светлые волосы с необычным медово-рыжеватым отливом и ярко-голубые глаза. Прямо викинг из древнескандинавского эпоса.

Помню, как часто покрывались румянцем щёки учениц старших классов при случайных встречах с Эдуардом на школьном дворе, в спортзале или

в буфете. Квинтилиана тогда он ещё не цитировал, а вот Ильфа с Петровым, О. Генри и Ходжу Насредина – часто и всегда к месту.

Я считаю совершенно естественным то, что мы достаточно быстро подружились.

Школа наша № 3 находилась рядом с городским стадионом.

На стадионе в те годы довольно часто собирались любители поиграть в карты, как говорится, «на интерес». Не профессиональные игроки, каталы, а состоявшиеся, независимые в финансовом плане, взрослые азартные мужчины, получавшие от игры дополнительный адреналин.

Играли в «Буру», «Очко», «Терц». Но наиболее популярной была «Сека». По-разному называли её на просторах огромной страны: «Три карты», «Трилистник», даже экзотически – «Лябляби», но чаще всё же – «Сека».

Нехитрая, казалось бы, игра, немного напоминающая «Покер», зависящая от случайного, механического набора комбинаций всего трёх карт, тем не менее требовавшая от игроков умения, опыта, самообладания, знания психологии. Ведь, помимо везения, важнейшими факторами, сопутствующими победе, являлись именно поведение игрока, умение сохранять внешнее спокойствие, способность блефовать, то есть уверенно играть при высоких ставках со слабой картой, вызывая у противника сомнение или страх, вынуждая того проявлять слабость, уступать напору и сдаваться, пасовать.

«Стадионные картёжники», как мы, мальчишки, между собой называли игроков, являлись на свой турнир два-три раза в неделю, около часа дня и, как правило, в одном и том же составе, хотя, конечно, бывало, что кто-то не приходил или появлялись новые, незнакомые нам персонажи.

Конечно, они представляли для нас интерес, эти самые – интернациональная команда людей, разных по возрасту и профессиям, по мировосприятию и эмоциям. Во время игры эта разница ощущалась особенно ярко. И было очень увлекательно отслеживать поведение каждого игрока, его реакцию, самообладание или, наоборот, повышенную эмоциональность, пытаться анализировать и предугадывать ход событий.

Нам, школьникам, позволялось наблюдать за происходящим вблизи, правда, с тремя жёсткими условиями: в карты не заглядывать, вопросов не задавать и вообще сидеть тихо, будто нас здесь и нет вовсе. Что мы и делали: сидели тихо и наблюдали за поведением игроков и за ходом самой игры.

Поскольку, как уже говорилось, картёжники собирались на стадионе не столько ради денег, сколько в поисках острых ощущений, то особо высоких ставок, как правило, не наблюдалось. Возможность их повышения ограничивалась, по специальной договорённости, перед каждой игрой. Это позволяло избегать ситуаций, когда один из игроков мог задавить других непомерно высокой ставкой, которая оказывалась неподъёмной для партнёров и вынуждала их сдаваться, сбрасывая сильные карты.

Итак, игроки сражались, мы наблюдали, в общем, ситуация становилась привычной, даже рутинной, во всяком случае, какой-то необычный всплеск эмоций не предвиделся.

Однажды на стадионе появился человек, которого раньше здесь никто не видел. В нашем небольшом городе многие знали друг друга, хотя бы в лицо. Но новичок никому не был знаком. Относительно молодой, но с седыми висками, щуплого телосложения, хорошо воспитанный и доброжелательный. Приятные черты лица, застенчивая улыбка, очки в круглой металлической оправе делали его похожим на школьного учителя.

Единственное, что могло вызвать вопросы, так это следы татуировок на руках, на фалангах тонких, аристократических пальцев незнакомца. В те годы никто не увлекался татуировками просто так, баловства ради либо из неких эстетических соображений, как сейчас. Изредка наносили себе специфические рисунки, в виде морских символов, якорей, как правило, бывшие моряки, в память о службе на флоте.

Сомнительной же привилегией наносить наколки на тела пользовалась «зона». Тюрьма или лагерь – вот откуда возвращались бывшие заключённые с рисунками или надписями на коже, выполненными с помощью иголки и туши. Причём сами изображения, их символика несли конкретный смысл и могли подробно рассказать о человеке языком, понятным каждому прошедшему через места не столь отдалённые.

Качество рисунков, как правило, было низким, но иногда на телах зэков наблюдались, можно сказать, шедевры графического искусства.

Думаю, никто на стадионе не знал, что могли означать татуировки на пальцах «школьного учителя», которые к тому же хозяин практически свёл. А то, что осталось, не давало даже представления об изначальном изображении.

Приходил он почти во все игровые дни, садился рядом с картёжниками и с интересом следил за игрой, иногда после её окончания расспрашивая о правилах и нюансах. У меня же возникало смутное чувство, что я уже видел этого человека раньше, но никак не мог вспомнить, где и когда.

Спустя какое-то время новичок, немного смущаясь, попросил принять его в игру. Получил согласие, обрадовался и сел в круг. С тех пор периодически играл, скоро освоился, стал своим в небольшом коллективе «стадионных картёжников». Был нерешительным, чаще проигрывал, чем выигрывал, но всегда небольшие суммы.

Я хорошо помню день, когда Эдуард, подойдя на переменке, произнёс вполголоса мне на ухо:

– Старичок, завтра, после четвёртого урока валим на стадион. Лады? Ованеса и остальных я уже предупредил.

– Валим, так валим. Лады! – в тон собеседнику бодро отрапортовал я, отметив для себя, что вообще-то мы редко планировали что-либо заранее, даже на день вперёд, чаще программа определялась спонтанно. Но предложение друга проигнорировать было нельзя.

Мы ещё играли в футбол одолженным у Тулы мячом, когда стали собираться любители карточного адrenalина. Игроки устроились в тени, под импро-

визированным навесом, мы, как обычно, – рядом. Игра текла в несколько вялом темпе, лишь изредка возникали ситуации, провоцировавшие игроков на всплески эмоций. Наиболее шумно проявлял их, как всегда, таксист по прозвищу Джага.

В те годы в народе были очень популярны индийские фильмы, с участием культового актёра Раджа Капура, в особенности фильм «Бродяга». Эта сентиментальная мелодрама прекрасно встраивалась в южный менталитет местного населения, её многократно пересматривали, растаскивали на цитаты. Так вот, этот самый Джага, имя которого приклеили местному таксисту, был в фильме отрицательным героем, бандитом, главой местных уголовников. Наш земляк-таксист немного напоминал его внешне, но главной причиной, так сказать, обоснованием выбора прозвища, думаю, являлись черты характера: грубость, порой граничащая с хамством, невоспитанность, жадность. Да и внешние его данные не вызывали симпатии: огромная непропорциональная голова, сплошь покрытая иссиня-чёрными кудряшками, не знавшими расчёски, волосатые руки и грудь. Полный рот золотых коронок. Плюс сиплый, низкий, но мощный голос.

Итак, игра продолжалась. Теперь необходимо вернуться к её правилам, смыслу. Комбинацией наивысшего уровня являлся набор из трёх тузов. Ниже шли, по общепринятым канонам, наборы из трёх «картинок»: короли, дамы, валеты. Ну а дальше – остальные карты по ранжиру их достоинства. Некоторые комбинации, к примеру, две или три карты одного достоинства и одной масти, то есть

одинакового значения, могли оказаться одновременно у нескольких игроков. Тогда возникала ситуация, называемая секой. В этом случае деньги на кону оставались в игре, карты раздавались заново, остальные игроки, пожелавшие продолжать игру, обязаны были поставить на кон заново. Причём сека могла возникать подряд, что увеличивало сумму на кону и, конечно, разогревала эмоции игроков.

Вот и сейчас сека выпадала пятый раз подряд. На кону скопилась непривычно большая для «стадионных картёжников» сумма денег. Один из игроков неожиданно предложил:

– Такого ещё не было, в смысле бабок на кону и в смысле секи, прёт и прёт. А давайте для форта поменяем колоду карт на новую. А то эти уже скользкими стали от наших потных рук. Вот попросим пацанву сбегать в магазин «Канцтовары» да и сами чуток передохнём.

Не успел он закончить фразу, как вскочил Эдуард:
– Дядя, я сбегаяю, не вопрос.

Получив деньги, исчез со скоростью, не давшей возможности нам, его друзьям, даже предложить сбегать за компанию.

Вернулся запыхавшийся гонец минут через десять, прижимая к груди новую, запечатанную колоду игральных карт в нарядной, блестящей красно-белой упаковке.

Очередь сдавать карты пришлась на «школьного учителя». Он долго перемешивал, неумело тасовал карты, дал «срезать» рядом сидящему игроку, а им оказался Джага, глубоко вдохнул воздух, и приступил к обязанности метчика. На лбу выступил пот,

пока он медленно и аккуратно раскладывал карты по кругу перед игроками.

Наконец, все получили свои заветные три листа. Некоторое время ушло на ознакомление с ними. Игроки, пряча, кто как мог, свою нервозность и волнение, долго-долго раздвигали одну за одной игральные карты, эти своеобразные символы Судьбы в бело-красных, элегантных «рубашках».

Теперь все взгляды были устремлены на Джагу, первое слово было за ним. Насупившись и пыхтя, таксист всё ещё не решался посмотреть третью карту. Пот стекал по его потемневшему лицу, на рубашке расплывались пятна влаги. Наконец, он открыл все три карты, долго смотрел, не мигая, затем, сдвинув, аккуратно положил перед собой, прижав для гарантии камнем. Запустил руку в карман брюк, выудив полную пригоршню мятых купюр. Дензнаки в основном были фиолетового цвета. Двадцатипятирублёвки, или, как их называли с уважением, четвертаки. Очень даже большая по тем временам сумма, если не забывать и о немалых деньгах, уже лежавших на кону.

Кто-то попробовал робко возразить, что, мол, давить ставками нельзя... В ответ раздалось рычание Джаги:

– Сегодня договорённости не б-было! (И, как ни странно, на самом деле именно в этот день не было).

Игроки, один за другим с неудовольствием, ворча, сбрасывали карты. Пока очередь не дошла до «учителя». Побледневший человек в круглых очках долго сидел молча, держа двумя руками на уровне груди магические листочки тонкого глянцевого картона.

– Братуха, проснись! Или ты перепутал карты с шахматами? Играешь? А может, и не надо рисковать. Зачем? – просипел неожиданно Джага со злорадством в голосе.

Его партнёр сбросил оцепенение, испуганно посмотрел на волосатого бузотёра, вынул бумажник, пересчитал его содержимое, затем снял с руки часы и выложил вместе с деньгами на кон. Джага отрицательно покачал головой. Тогда его визави перекрестился, снял с шеи массивный золотой крест на толстой, итальянской вязки цепи и присоединил его к ставке. Таксист, немного подумав, махнул рукой, что означало, что он согласен и можно открываться.

Сам же откинул камень, картинно вскинул руку с картами, а затем не без театральности положил все три рядом, лицом вверх. А уже потом, выждав паузу, явно наслаждаясь эффектом, снисходительно произнёс:

– Братишка, я не злой человек! Я же тебе советовал не рисковать! Но ты не послушался.

А эффект на всех присутствующих его карты, безусловно, произвели. Три короля!

Комбинация почти всегда выигрышная! Ибо перебивается только тремя тузами! Но подобное случается в игре крайне-крайне редко.

Джага протянул, было, руку к достаточно внушительной кучке дензнаков различного достоинства. Кучка была увенчана ручными часами и бликующим на солнце крестом. Под аккомпанемент ахов, охов и эмоциональных комментариев игроков и зрителей дрожащими руками рядом с картами таксиста выложил свои карты «школьный учитель», о котором

ошарашенная публика на несколько секунд как бы забыла.

Полная тишина будто опустилась... да что там опустилась – обрушилась внезапно на стадион, на весь город, а может, и на всю планету! Как каменные изваяния, застыли все участники и свидетели происходящего. Думаю, если представить, что в тот момент на футбольное поле приземлился бы инопланетный космический корабль, вряд ли бы его сразу заметили!

Все, как загипнотизированные, устремили немигающие взгляды свои в одну точку, именно туда, на карты человека со следами татуировки на пальцах.

Ибо это были ТРИ ТУЗА!!! (Я даже запомнил – два чёрных: пики и крести, и один красный – червовый).

Почему-то первое, что пришло на ум, так это морская волна. В детстве мы были безрассудны и дерзки. Купаться в шторм было делом привычным. Я хорошо помню удивительное состояние моря в момент, когда вода после мощного удара, после штурма откатывается назад. Теперь ей необходимо время, чтобы накопить силы. Совсем недолго вода кажется материей почти статичной, медлительной, но внутри этой живой исполинской массы идут мощнейшие, скрытые от глаз процессы. Вода медленно поднимается, формируя новую волну, всё выше и выше. Вот уже виден её шипящий пенный гребень. Ещё доля секунды... и очередной водяной вал со страшной силой обрушивается на берег, круша и перемалывая всё на своём пути!

Вывел нас из ступора неожиданный протяжный паровозный гудок. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что звуки эти доносятся не со стороны железнодорожной эстакады, что было бы объяснимо, а исторгнуты ртом (или чревом) таксиста Джаги. Удивительно, как удалось ему добраться своим сиплым низким голосом до высокого регистра, почти до фальцета?

Спустя мгновение тот же рот исторг, но уже в привычной звуковой тональности поток отборного мата.

– Суки! Падлы! – таксист орал, как обезумевший, грозно размахивая волосатыми, мокрыми от пота руками. – Шулеры, мать вашу! Подстроили! Порезу всех, порву на части! Фраера, что ли, безродного нашли? Проклянете день, когда вас мама родила!

Истерику эту остановил один из игроков, пожилой мясник. Я не знал его имени, ибо все обращались к нему по отчеству, подчёркнуто уважительно: «Ингиштерович». Он действительно пользовался большим уважением в городе: спокойный, доброжелательный, умудрённый жизненным опытом, справедливый человек.

– Поберегись, Джага! Не давай волю языку своему, – негромко, но жёстко произнес старик. – А то как бы не пришлось ответить за свои слова, если они вылетят за пределы стадиона. За это ведь с тебя могут строго спросить. Чем ты недоволен? Заменить колоду предложил я, пацан принёс новую, запечатанную, из магазина. Сдавал, как и положено было, человек, научившийся играть в карты всего пару недель назад, срезал ты сам. Так кого ты обвиняешь в шулерстве?!

Таксист обвёл всех присутствующих мутным взглядом, повернулся и молча направился к воротам, понуро опустив плечи.

– Вас же, ребята, убедительно прошу не выносить эту историю за территорию. А лучше вообще её позабыть! – эти слова Ингиштеровича были обращены, по сути, ко всем присутствующим, но, произнося их, он смотрел на нас, школьников.

Конечно, чего греха таить, первое время нелегко было удержать внутри себя эмоции, которые рвались наружу, и не проболтаться об увиденном и услышанном на стадионе. Но мы оказались на высоте, так что даже в микроскопических дозах информация наружу, в окружающий мир, так и не просочилась!

С Эдуардом в школе мы общались каждый день, но и между собой тема происшествия на стадионе не обсуждалась, ибо находилась под негласным табу.

Спустя примерно неделю он спросил вдруг о моих планах на воскресенье. Узнав, что я свободен, неожиданно пригласил на хачапури.

– Встречаемся в два часа у Горсовета. Хлеб-соль отвечаю я.

На встречу Эдо явился в компании Ованеса и Виктора, своего друга из другой школы, и, как говорится, при полном параде: в новеньких джинсах, клетчатой американской ковбойке, из нагрудного кармана которой выглядывала пачка сигарет «Кэмел», в модных солнцезащитных очках.

В те годы в городе проживало приличное количество репатриантов. Они регулярно получали посылки от родственников из-за рубежа, ну, и не-

много приторговывали дефицитом. Правда, цены у них кусались, но это, извините, уже другая тема.

Остановив властным жестом такси, Эдуард командовал водителю: «В Новый Афон!» Добравшись до места назначения, мы расположились под навесом на открытой площадке ресторана в самом центре большого пруда. День выдался нежаркий – весна ведь ещё не закончилась, со стороны моря дул лёгкий бриз, вокруг, словно парусные каравеллы, не спеша скользили по глади пруда гордые белоснежные лебеди... Идиллия, да и только!

Со стороны, без портфелей в руках мы смотрелись вполне себе взрослыми молодыми людьми! А этот рослый викинг в фирменных очках легко сошёл бы за студента старших курсов. Поэтому, когда помимо различной снеди он заказал две бутылки шампанского, у официантки, я думаю, не возникло и тени сомнений по поводу нашего возраста.

Пока Виктор с Ованесом ненадолго отлучились, я не смог отказать себе в удовольствии полюбопытствовать:

– Эдо, братишка! – вкрадчиво начал я свой вопрос. – Ведь сегодня не день твоего рождения? И, к примеру, о помолвке твоей я тоже ничего не слыхал! Может, твой канадский дед оставил тебе наследство? Что именно мы отмечаем?

– Всё может случиться в жизни, – в момент мой друг подхватил заданный смешливый формат разговора, – но ни канадский, ни американский, а вернее, ни один из моих дедов – ни сухумский, ни гудаутский наследства мне не отписывал. Это дядька мой двоюродный подогрел слегка, отслюнил, так сказать,

немного бабок от щедрот своих. А что отмечаем? Да так, небольшое удачно завершённое мероприятие. Если честно, я ограбил банк! Ты же видишь мою ковбойскую одежду? Помнишь бессмертную фразу бандита Калверы: «Банки в Техасе могут грабить только техасцы». Вот я и купил подходящие шмотки, смотался в Техас и ограбил банк! Такие вот дела, Сотеро, мой лучший друг!» – закончил Эдик свой монолог очередной цитатой из популярного фильма «Великолепная семёрка».

Хорошо, подумал я, иметь такого дядь..., но произнесённое слово вдруг застряло в горле, мешая дышать, я машинально вскинул руки, и именно это помогло мне вдохнуть воздух. Всё длилось, наверное, пару секунд, Эдик занимался распечатыванием бутылки шипучего напитка и ничего не заметил.

Какие-то путанные мысли, бывшие попытки анализа тех или иных событий и ничего не значивших вроде бы слов и фраз, обрывки неясных воспоминаний покоились в недрах моей черепной коробки. Как вдруг всё это – бессистемный и бессвязный набор непонятно чего – пришло в движение.

Меня будто осенило. И как кусочки цветной смальты, выложенные умелой рукой художника, превращаются в чёткие изображения на мозаичных панно, так и передо мной отчётливо возникла картина, выложенная из мелких фрагментов моей памяти. И многое встало на свои места!

Дядька!!! Ну конечно – дядька! Как же я сразу не вспомнил?! Ведь «школьного учителя» я видел на фото в доме Эдуарда пару лет назад. Он стоял там в компании нескольких мужчин, одетый, как и поч-

ти все остальные, в блестящую, видимо, шёлковую, полосатую пижаму, без очков, в кепке-«аэродром».

Увидев, что я смотрю на фотографию, Эдик тогда сказал:

– Это лагерное фото, там мой дяхоз, второй слева, его называют «Золотые ручки», ибо творит он своими руками невероятные чудеса с игральными картами, нет ему равных в этом деле.

И сотворить очередное карточное, банальное в общем, чудо, не составило для Мастера особого труда. Тем более что – а сейчас это было ясно как дважды два – операция «Сека» готовилась заранее и была разыграна по нотам, хотя теоретически что-то могло бы пойти и не так.

Стало понятным поведение Эдуарда, изначально проявившего повышенный интерес к стадионным «турнирам», его неожиданная активность в доставке новой колоды карт (кто теперь знает, откуда он её принёс?). И самое главное – сокрытие родственной связи со «школьным учителем».

Связав все нити своих размышлений в один узел, я предположил, что предыстория карточного развода могла выглядеть примерно так: племянник рассказывает недавно освободившемуся дяде о карточных баталиях на стадионе, и дядя предлагает план по отъёму чужих денег проверенным способом. Очень даже правдоподобно и логично!

Лишь спустя много-много лет я случайно узнал правду! И правда эта меня, взрослого, достаточно опытного человека, шокировала даже тогда, когда, казалось бы, я научился принимать жизнь в самых разных её проявлениях достаточно сдержанно.

Так вот, та самая операция «Сека» была задумана, подготовлена, просчитана во всех мелочах и нюансах моим школьным другом Эдуардом. И именно он, как опытный режиссёр, распределял роли, где главная, естественно, досталась родственнику, но не по зову крови, а исключительно из-за уникального таланта дяди!

В детстве и юности время течёт медленно, по крайней мере, так казалось нам. Но и остановить его невозможно. Вот остался позади прекрасный, весёлый и романтический выпускной школьный вечер, разъехались повзрослевшие юноши и девушки по городам и весям поступать в вузы. И я укатил в Москву, успешно сдал экзамены и был принят в Московский технологический институт.

Эдуарду же предстояло проучиться ещё один год в школе.

Когда же через год я приехал домой на первые студенческие каникулы, с Эдиком мы разминулись, ибо теперь поступать уехал он. Увиделись мы только в самом конце лета, когда он вернулся из Тбилиси со справкой о зачислении на физико-математический факультет Тбилисского университета. В тот год в разные вузы Тбилиси поступили Ованес и Виктор.

Студенты обычно на каникулах собираются под сенью родительского крова в благодатном нашем курортном городе, но в студенческие годы летом я почти не встречал ни Эдуарда, ни его друзей. Это было немного странно, но тогда популярным у молодёжи делом было участие в студенческих строительных отрядах. Записывались в них обычно в поисках романтики, ребят привлекали новые края, жизнь

в палатках, песни под гитару у костра, да и день-ги, достаточно приличные, можно было заработать на стройках где-нибудь в Сибири или на Байкале. И в конечном итоге я предположил, что и троицу моих друзей увлекла жажда перемен, волнующих открытий, тяга к приключениям.

Так сложилось, что пути наши разошлись на-долго.

За стенами аэропорта творилось нечто нево-образимое. Уже несколько часов подряд сильный дождь, почти ливень неиссякаемым монолитным потоком низвергался с небес и, судя по всему, не думал прекращаться, периодически атакуя крыши домов некрупным, к счастью, градом. Там, наверху, в невидимых небесах, что-то ворчало и стучало в огромный барабан, время от времени здания со-трясались от мощных раскатов, сопровождаемых яркими вспышками, будто поблизости была круп-нокалиберная артиллерия.

Улететь из КавМинВод в ближайшие часы было делом совершенно нереальным. И факт этот пред-ставлялся мне крайне печальным. Командировка в Кисловодск завершилась, мы с моим шефом Михаи-лом сидели в аэропорту с утра в лёгком похмелье после вчерашних проводов, устроенных принима-ющей стороной, без денег, если не брать в расчёт мелочь на метро в наших карманах (в те годы авиа-пассажиров бесплатно возили на автобусах от мо-сковских аэродромов до городского аэровокзала).

А тут ещё этот нескончаемый ливень, полное отсутствие информации, переполненный пассажи-

рами гудящий зал ожидания, острое чувство голода, да ещё и «сушняк» во рту. Людей спасал буфет, у предусмотрительных был при себе сухой паёк, все вокруг что-то жевали и чем-то запивали, для нас же ситуация складывалась почти по Высоцкому: «Мимо носа носят чачу, мимо рта алычу».

Дождь начал стихать только к полуночи, прекратилась и небесная канонада, но это ничего не значило, ибо аэропорт всё еще был закрыт, следовательно, наши мучения продолжались.

Я пытался, сидя в жёстком металлическом кресле, принять мало-мальски удобную позу, отгоняя назойливые видения тарелок и блюд с разнообразной едой, возникающих с пугающей реальностью, стоило только опустить веки. У меня это почти получилось, я засыпал, когда уши мои уловили чей-то негромкий разговор.

Не могу сказать точно, что именно привлекло моё внимание, но ведь что-то заставило меня широко раскрыть глаза и прислушаться к диалогу двух мужчин, ловя каждое произнесённое слово или фразу. Собственно, сейчас я слышал уже монолог. Изначальная тема разговора была мне не ясна, тот, кто говорил, скорее всего объяснял что-то своему собеседнику, а возможно, и наставлял того, цитируя, очевидно, для большего эффекта мыслителей древности.

– Видишь ли, – звучал хорошо поставленный бархатный голос, – «Величайшее из достижений оратора – не только сказать то, что нужно, но и не сказать того, что не нужно». Ты просто обязан всегда это помнить. И ещё: «Главное в ораторском

искусстве состоит в том, чтобы не дать приметить искусства!» Ты, правда, не оратор, но в остальном эти слова словно для тебя были написаны.

Отточенные фразы плыли над затихшим залом ожидания, как запущенные из лука стрелы, только как будто в замедленной киносъёмке, и исчезали, растворяясь в воздухе.

Автора первой цитаты я не знал, но вторая точно принадлежала Квинтилиану.

Собеседники стояли в нескольких метрах от нас, тот, кто сейчас говорил, – спиной ко мне. Высокий, широкоплечий, светловолосый. Лица его я не видел, но стоило мне посмотреть в его сторону, он словно почувствовал затылком мой взгляд и резко обернулся.

О, Небеса!!! Это же – Эдуард, Эдо!!!

Миша, мой внезапно проснувшийся от шума начальник, с удивлением глядел ослепевшими глазами, не понимая, с какой такой радости меня тискают в объятьях незнакомый блондин.

Собеседник Эдуарда куда-то исчез, нас же с шефом, спустя несколько мгновений, мой школьный друг, чудеснейшим образом встреченный в аэропорту Кавказских Минеральных Вод, обняв за плечи, увлёк на второй этаж зала ожидания.

Сказать, что очередь в буфет была длинной, значит не сказать ничего.

Эдуард, решительно отодвинув мешавшую подойти к стойке даму в соломенной шляпе, не обращая внимания на обречённо стоявших шеренгой измученных ожиданием авиапассажиров, начальственным тоном, каким обычно отдают приказы подчинённым, отчеканил буфетчице:

– Татьяна, у меня гости.

Удивительно, но никто в очереди не возмутился, не высказал обид или претензий.

Через несколько минут стоячий столик, за которым устроилась наша троица, был заставлен изысканной едой. Чего тут только не было: нежнейшая ветчина, салат «Оливье», чёрная и красная икра на половинках яиц, рыбное ассорти, в котором желтоватый маслянистый осетровый балык живописно соседствовал с малосольной розовой сёмгой, ростбиф, печёные пирожки с мясом... Плюс три запотевшие бутылки «Советского шампанского». Честно говоря, такого ассортимента яств не могло нарисовать даже моё подстёгиваемое голодом воображение, посылавшее мне совсем недавно одну виртуальную кулинарную картинку за другой.

Глядя на моего начальника, легко было предположить, что тот ещё до конца не понял – всё происходит во сне или наяву? А если наяву, то что именно происходит? Он беспокойно переводил взгляд с меня на Эдуарда, с моего друга на блюда с едой, то принюхиваясь, то неловко шевеля пальцами, будто намереваясь пощупать Эдика, дабы убедиться, что перед ним человек во плоти, либо ущипнуть самого себя, проверив, не продолжает ли он всё ещё спать!

Но сейчас, честно говоря, мне было не до моего славного шефа! Я молча выложил на тарелку гору разнообразных закусок, слегка хлопнул его по плечу и шепнул:

– Ешь, пожалуйста!

Долго упрашивать Михаила не пришлось. А большой фужер холодного шипучего напитка, выппи-

тый за встречу, а именно таким был тост Эдуарда, я думаю, навёл моего начальника на мысль, что в принципе-то жизнь, порой, совсем неплохая штука.

И я тоже ещё не полностью принимал реальность происходящего. Огромное количество вопросов крутилось в возбуждённом моём сознании, требуя озвучки, расталкивая и оттесняя друг друга на пути к языку.

– Эдо, сколько же лет мы не виделись? Лет восемь, не меньше! Почти никакой информации о тебе? Где ты? Чем занимаешься? Как поживают ребята, Витюля и Ованес, видите ли вы? И что делаешь здесь ты?

Эдуард с улыбкой слушал меня, одновременно разливая по бокалам шампанское.

– Целый ворох вопросов, однако. Постараюсь ответить. Да, именно восемь лет прошло с момента последней нашей встречи. За это время я с отличием окончил университет, ты ведь знаешь – я физик. Вот физикой этой самой и занимаюсь. Здесь в командировке. Пока ещё не женат, в отличие от тебя, о тебе я всё же, как видишь, кое-что знаю. Ребята тоже успели получить, как мы иногда шутим, «верхнее» образование. Тоже ещё не женаты. Вижусь ли с ними? Да, и достаточно регулярно, даже принимаем участие в некоторых совместных проектах, несмотря на разные профессии! И очень успешно, надо сказать, ибо относимся к работе очень серьёзно! «Только глупые отдают всё время порокам, сну и ссорам, мудрые же – наукам, знаниям и заботам о здоровье». При этом и мудрым не чужды обычные человеческие радости!

Ну, вот и тост очередной родился! За друзей!

– За друзей! А чью цитату ты привёл сейчас?

Опять древние римляне?

– О нет, Володя. Это Восток! Мы же с тобой люди восточные.

После второго бокала жизнь и мне показалась совершенно прекрасной. Я упивался радостью общения с дорогим мне, удивительным человеком: красивым, умным, добрым и весёлым! Другом далёкого уже детства!

Причём, в комфортной для себя обстановке.

Отъехали, как в театре, куда-то в сторону декорации, изображавшие переполненный зал ожидания аэропорта, стих характерный гул голосов пассажиров, всё будто погрузилось в полумрак, только выделенное для нас троих пространство подсветили ярким светом софита. Здесь нам никто не мог помешать! (Правда, пару раз из полумрака возникали незнакомые мне персонажи, просили извинения, что-то шептали на ухо Эдуарду и моментально исчезали в том же полумраке).

Мы же, казалось, полностью растворились в нашем детстве, в восторженных эмоциях, разбуженных воспоминаниями, и, как люди, долго испытывавшие жажду, никак не могут напиться, получив, наконец, доступ к воде, так и мы с Эдуардом не могли наговориться, утолить потребность во всё новых и новых погружениях в прошлое!

Не знаю, прислушивался ли к нашим разговорам Михаил, думаю, он был счастлив по-своему, возможно так же, как и мы, приятно блуждая по закоулкам собственной памяти, улыбаясь при этом слегка за-

гадочной улыбкой человека, полностью довольного жизнью, по крайней мере, сейчас, на конкретном отрезке времени и в конкретном месте.

Неожиданно заработал молчавший несколько часов громкоговоритель, сообщивший, что аэропорт открыли и начинается регистрация на рейс, вылетающий в Москву.

– Ваш? – спросил меня Эдик.

– Нет, – покачал я головой, – наш, думаю, совсем нескоро. Даже не знаю, прилетел ли из Москвы тот самолёт, который должен увезти нас? Но хорошо, что процесс пошёл.

– Хотите улететь сейчас, ближайшим рейсом?

– Эдик, ты шутишь? Смотри, сколько застрявших пассажиров, а самолёт пока всего один. Не удивлюсь, если в салоне установят приставные кресла, как в театре. Шутка, естественно. Ладно, мы потерпим ещё, если, конечно, не надоели тебе, – видимо, произнёс я эти слова грустным тоном, ибо Эдик решительно протянул ко мне руку.

– Срочно давайте ваши билеты. Багаж весь при вас? Отлично. Мне-то вы не надоели, я готов терпеть сколько угодно, но ведь на вас смотреть страшно! А насчёт мест – не беспокойся, существует специальная бронь на все рейсы.

Эдик вернулся минут через пятнадцать, помахал издалека рукой, подзывая нас. Мы спустились вниз, прошли мимо стойки регистрации, окружённой шумящей толпой усталых и раздражённых пассажиров, и подошли к стеклянному коридору, ведущему на лётное поле. Там две девушки в синей аэрофлотовской форме проверяли билеты. Провожающих даль-

ше не пускали, но милицейский капитан, стоявший у входа, увидев Эдуарда, широко улыбнулся и приглашающим жестом указал на дверь.

Уже перед трапом, вручив нам билеты, мой друг пожал руку Михаилу и крепко обнял меня.

– Наверху я вам не нужен, самолёт есть кому вести! – по привычке пошутил он. – Ты не представляешь, какое для меня счастье, что мы встретились! А тебя я обязательно найду в Москве, как только туда доберусь!

Стюардесса усадила нас в первом ряду кресел, развёрнутых лицом к салону. Самолёт, естественно, был заполнен, только напротив нас одно кресло оставалось свободным. Несколько минут спустя в проходе появился командир корабля, за ним вплотную следовал человек, лица которого мне не было видно. Лётчик остановился рядом с нами и почтительно указал на свободное место невысокому, молодому ещё мужчине в тёмном костюме. Открывая дверь кабины, пилот неожиданно подмигнул мне, незаметно указывая головой в сторону пришедшего с ним нового пассажира. Я украдкой перевёл взгляд на своего визави.

День чудесных встреч и открытий, видимо, продолжался!

Напротив нас сидел, пристёгивая кресельный ремень, кумир миллионов людей не только в СССР, но, пожалуй, на всей планете. Один из героев-космонавтов, освоивших космос после Юрия Гагарина, но навечно вошедший в историю как «Один из Первых»!

Я толкнул коленом своего клевавшего носом начальника, тот от неожиданности широко раскрыл

глаза и... на некоторое время застыл, ничего не понимая. Но главное, а именно этого я добивался, он увидел лицо человека напротив и узнал его! Хорошо, что у Михаила всё же хватило соображения проявить тактичность и опустить глаза.

– Это что, тоже твой друг посадил напротив нас космонавта? Кто он на самом деле? Загадочная какая-то личность. Какая у физика может быть командировка в Минеральные Воды. И почему он ведёт себя в аэропорту, как директор, или, по меньшей мере, его зам? Да-а, личность загадочная, но крайне обаятельная! – заплетающимся языком прошептал мой шеф, приблизив губы к моему уху.

Почему-то я ощутил непреодолимое желание поёрничать.

– Послушай, Миша, хоть и не имею права, но раскрываю тебе как другу великую тайну! (Михаил был всего на два года старше меня, мы дружили и вне работы обращались друг к другу на – ты.) Я сам узнал совершенно случайно. Дело в том, что Эдуард – чекист, майор КГБ, и он далеко не простой офицер, коих, очевидно, там полно, нет, он служит в каком-то очень секретном, важном подразделении.

Ходят слухи, что в ближайшее время Леонид Ильич встретится с президентом Доминиканской республики, генералиссимусом Трухильо Молина, причём тайно. Уж что они будут обсуждать, даже страшно подумать! Может, как у Ильфа и Петрова, вооружат бедуинов и объявят войну странам НАТО?! (Вряд ли мой шеф знал, что диктатор Трухильо уже более десяти лет назад ушёл из жизни).

Кавказ – идеальное место для такой встречи. Вот я и предполагаю, что миссия моего школьного друга как раз и заключается в подготовке столь важного мероприятия. И учти, проговоришься кому-нибудь, особенно жене, такое случается по ночам, нам с тобой – конец. У чекистов длинные руки! Потом выловят два хладных трупа в Язуе, к примеру. А сейчас, Мишенька, делай выводы, и, главное, молчи, молчи.

Не дожидаясь реакции собеседника, я уронил голову на подголовник кресла и моментально погрузился в сон.

Спустя недели две после командировки земляки пригласили меня на очередную грузино-абхазскую свадьбу. В те годы это происходило довольно часто, у многих жителей Абхазии дети учились в столичных вузах, влюблялись, женились и свадьбы играли в Москве (это случается и сейчас, несмотря на то, что свежа память о войне).

За столом я оказался рядом с Русланом, моим ровесником, которого хорошо знал. Дом его родителей в пригороде, в Каштаке, находился по соседству с домом Эдуарда, они были друзьями.

Естественно, я тут же рассказал о своей недавней, неожиданной и фантастической, встрече с Эдиком в аэропорту Кавказских Минеральных Вод со всеми подробностями и нюансами, о своеобразном стрессе, испытанным моим начальником, о вопросах, заданных мне уже в самолёте.

– Знаешь, Русик, изначально шеф решил, что Эдо работает в аэропорту, причём большим начальником, да и я, откровенно говоря, далеко не во всём

разобрался, сделал вид, что принял на веру версию моего школьного друга о командировке.

– Да-а, Вова, ты действительно поотстал от жизни, я смотрю, – глядя на меня удивлённо, с улыбкой произнёс земляк. – Придётся тебе рассказать. С чего же начать? Ну, к примеру, со студенческой поры Эдика.

Так вот, тебе хорошо известно с детства, что Эдик всегда был неординарным человеком. Не по годам образованный, начитанный, сообразительный, обладавший прекрасной интуицией и, надо сказать, феноменальной реакцией на любые нестандартные жизненные ситуации. Талантливый от природы, он всегда стремился покорять, образно говоря, вершины знаний, которые считал важными для себя! И почти всегда покорял!

Вова, извини меня за слишком торжественный стиль моего рассказа, наверное, тамада меня немного этим заразил! Да и тема такая, уникально-пафосная можно сказать!

Ну, продолжаю. Наверное, Эдик мог бы стать выдающимся учёным, неважно, в области физики, математики, или, к примеру, философии. Но проблема в том, что пытливым ум нашего с тобой друга с детства искал применения совсем в других «научных» областях. Я не знаю многого об этих «изысканиях», о чём-то могу только догадываться, но, поверь, иногда просто поражаюсь масштабу и уникальности придуманных и осуществленных Эдикиных проектов!

Понимаю, немного достал тебя намёками и всякими вводными фразами. Ну уж, прости.

Возможно, ты помнишь, что и я получал высшее образование в Тбилиси, в другом только вузе, и поступил я на год позже Эдуарда. Сказать, что мы постоянно общались, будет неправдой, но, конечно, иногда виделись. Он всегда плотно дружил только с Ованесом и Витюлей. Позже появился ещё и Даур, его я раньше не знал, учился он в каком-то крутом техническом институте.

Проучившись год, закрыв первый курс, приехал я на летние каникулы. На следующий же день пошёл к Эдуарду. И честно, говоря, удивился, когда пахан его, Алмасхан, сказал, что у сына производственная практика где-то за Уралом, в профильном научном учреждении и что летом он вряд ли появится. Странно, обычно после первого и второго курсов студентов на такую практику не посылали, тем более на всё лето. Может, в университете другие правила, подумалось мне.

Встретились мы уже в сентябре в Тбилиси. Я жил у родственников, там был телефон. Эдо позвонил неожиданно, назначил в воскресенье встречу. В назначенный час на площади Ленина рядом со мной, скрипнув тормозами, остановилась белая «Волга». За рулём сидел Витюля, на пассажирском месте восседал Эдуард. Я устроился на заднем сидении рядом с Ованесом.

В автомобиле вкусно пахло дымом фирменных сигарет, из динамиков по периметру салона буквально струилась, обволакивая нас, негромкая музыка, короче, сказка, не иначе! Японские съёмные автомагнитолы, а именно такая была установлена в машине, были очень редки и стоили кучу денег,

да и сигареты «Мальборо» были удовольствием недешёвым. По соседству со мной жили два брата, грузинские евреи из Кулаши, они приторговывали импортными лекарствами и сигаретами. Так вот, у них блок «Мальборо» стоил от пятидесяти до семидесяти рублей. Ползарплаты инженера.

Да и сами пацаны одеты были, как говорится, «по фирме».

Но разговоры наши, естественно, этих тем не касались. Не мог же я, на самом деле, спросить: ребята, бабки-то откуда? Нам было о чём поговорить и без того. Единственное, что я понял, – друзья все вместе ездили куда-то на подработку, то ли в Сибирь, то ли на Дальний Восток. Но чем конкретно они там занимались, спрашивать я тоже не стал.

Опускаю не очень важные для нас с тобой подробности Эдикиного житья-бытья. Спустя время узнаю – и вот тут начинается самое интересное, – что он, с командой естественно, увлёкся азартными играми, ты же понимаешь, что означает слово «увлечение» – применительно к талантам нашего друга-гения.

Первое, что они сконструировали, так это прибор, дающий возможность гарантированного выигрыша при игре в «зари».

(Не все читатели знают, но игра эта была очень популярна в наших краях в описываемое время. Зари – это игральные кости, неотъемлемая часть восточных нард, хорошо известных и на Кавказе. Принцип игры прост: два партнёра попеременно метают зари, то есть равносторонние кубики из слоновой кости, на каждой стороне которых точками обозначено

достоинство конкретной грани от единицы до шестёрки. Выигрывает тот, кто набирает в сумме большее количество точек, то есть очков. Очень заразительная, азартная, несмотря на простоту, игра).

Устройство было небольшим, чуть больше пачки папирос «Казбек». Основой его, как я понял, было электромагнитное поле, возникавшее по команде в нужное время из-за подачи радиосигнала на расстоянии. В сами же кости вживлялись под определённым углом тончайшие, совершенно незаметные стальные стерженьки, реагирующие надлежащим образом на магнит. Такие «заряженные» зари в комплекте с приборчиком и были инструментом для отъёма денег у несведущих лохов, ибо выдавали по сигналу в соответствующий момент максимальную комбинацию точек – две шестёрки, к примеру.

Конечно, возникали сложности при организации турниров, но разве это останавливало наших виртуозов. Я слышал, они разрабатывали хитроумные сценарии, разыгрывали спектакли высочайшего класса, и в нужный момент нужные клиенты обязательно оказывались в нужном месте.

А прибор можно было вмонтировать в столешницу или просто зарыть в землю, там, где нужно, например, в парке, в укромном месте, подходящем для игры. Так что Эдуард со товарищи «подняли» на своём приборе красивые бабки, я думаю.

Дальше – больше! Очередная покорённая вершина явилась, по сути, очень серьёзным техническим, даже, можно сказать, научным шагом в криминальном творчестве наших друзей. Вряд ли смогу изложить внятно суть, принцип очередной

разработки, но это была уже очень сложная система: карты помечались чем-то вроде радиоактивных изотопов, которые можно было считывать, причём на расстоянии, специальным устройством. Была продумана, просчитана и реально задействована программа оповещения, то есть передачи информации о достоинстве карт своим людям во время игры.

Это выводило Эдика с ребятами совсем на другой уровень игорного общения, общения с очень, очень серьёзными людьми, в чей круг было совсем не просто попасть, но, попав, нужно было вести себя крайне осмотрительно и осторожно. Ибо там крутились огромные деньги и не прощались никакие необдуманные, неправильные действия, а уж обманы наказывались самым радикальным образом

Наверное, организация карточных ристалищ, с учётом технических моментов, являлась не менее сложным делом, нежели их технология. Ведь профессиональные игроки собирались обычно в проверенных местах, полностью приспособленных для подобных встреч, в так называемых катранах. Уж как Эдику удавалось решать там свои вопросы, мне неизвестно, знаю, что и здесь наш друг преуспел.

Но, увы, Вова, иногда причиной драмы может стать какая-то мелочь, которую невозможно предусмотреть. Не знаю, что именно стало причиной сбоя, но, как говорится, тайное стало явным, афера Эдуарда случайно была раскрыта. А если учесть, что шла речь об обмане вора в законе, причём очень авторитетного, за жизнь ребят вряд ли можно было поручиться. Да, именно так: на кону стояли их жизни!

Детали неизвестны, по-моему, кто-то очень хатайствовал за Эдика и его друзей, во всяком случае жизнь им сохранили, но «оштрафовали» на такие бабки, что и представить невозможно!

Подобные истории невозможно сохранить в тайне, об этой скоро узнали в криминальных кругах, и, что естественно, фамилии ребят засветились в соответствующих картотеках соответствующих организаций.

Однако и Эдику, и друзьям дали закончить вузы, так что у Эдуарда действительно диплом физика, причём «красный».

А теперь подходим, Вова, плавно к вашей встрече в аэропорту. Диплом дипломом, но реально, сфера интересов нашего друга – карты, вернее, азартные игры. Он – известный катала, один из сильнейших в стране, их целая команда, а территория деятельности – вокзалы и аэропорты. Так что твой шеф практически угадал, Эдик «работал» там, в аэропорту. А что касается внимания к нему, в частности милиции, так и здесь всё очень просто: именно менты их, игроков, и крышуют, получая свою, кстати, очень приличную долю!

Итак, попал Эдик в поле зрения силовиков, правда, выловить его и чего-нибудь предъявить ну никак у тех не получалось, хотя попытки были.

Расскажу тебе забавную историю. Приезжаю уже после института летом домой в отпуск. Добрался до своих, мама накрыла стол на веранде, соседский парень зашёл поприветствовать, сидим с ним и с братом младшим моим. Июль, жара стоит несусветная.

Брат вдруг говорит, перейдя на шёпот:

– Хохму сейчас покажу, только смотрите аккуратно. Видите, на углу машина стоит «Москвич», а в ней три человека. Менты это, стоят с утра, как там они в такую жару не сварились? Эдика «пасут». Уже третий день. Видели? Это ещё не всё: вон старый каштан, который рядом с Алмасхановым двором растёт. Втихаря, но внимательно посмотрите наверх, там в кроне мужика видите? Правее немного, приглядитесь. Видно? Так это и там мент сидит, тоже по Эдикину душу, с утра. Прямо детектив бесплатный!

Пока мы прыскаем по-тихому, прикрывая рты руками, события, Вова, принимают вдруг неожиданный оборот: из калитки выплывает Алмасхан, отец Эдика, подгребает к дереву, поднимает голову, и начинает орать:

– Эй ти, там, наверху! Да, да, ти! Сидишь, уара (обращение к мужчине), как райский птичка, делаешь виду, что тебя там нет, а про тебя уже весь город знает! Ви что там решили – мая фамилия опазорить савсем? Если ты оттуда пи@данёшься – это твой личный дело, а вдруг, уара, хуже случится, организма подведёт, живот прихватит, что – обосрёшься тогда??? Сверху, с дерева? Да мне повеситься останется. Весь город тогда скажет – милиционер, уголовни розыск, обосрался на каштану рядом с домом Алмасхана! Пазор на мой седой голова! Я твой начальнику звонил, сказал – нет мой сыну в городе, на Казахстану он, на Казахстану, зачем, гаварю, зря люди мучаеш. Так что, уара, как брату тебя прошу, спускайся оттудова, и этих, что в машине, тоже забери!

Не знаю, то ли Алмасхан на ментов жути нагнал, то ли до них чего-то дошло, короче, вскоре приполз-

ли буквально двое из машины к каштану, «кукушку» свою забирать, а их секретный агент сам слезть с дерева не может! В машине, видимо, рация была, минут через пятнадцать приехала из города пожарка, подняли лестницу, сняли бедолагу, и «Москвич» этот из Каштака умотал.

Ну что, Вова, позабавил тебя хоть немного? – с лукавой улыбкой произнёс Руслан.

Вот так, от одного воспоминания к другому пробирался я сквозь череду лет, приближаясь потихоньку к недавним фантастическим, можно сказать, событиям!

Солнце светило прямо в глаза. Я не видел тропинки, по которой шёл, но был уверен, что ступаю именно туда, куда надо. Возможно, я переоценивал себя. (Хотя вряд ли подходили тогда для моей ситуации привычные мнения и оценки.) Ведь до того, как солнце стало слепить, и всё вокруг превратилось в оранжевое, яркое, но, к счастью, не обжигающее пламя, я видел, что тропинка на самом деле узка и извилиста. Но главным было не это: она, тропинка, пролегла по узкому гребню горы, а вернее, скалы, так что в двадцати-тридцати сантиметрах, что вправо, что влево, был обрыв, резкий, крутой и невероятно глубокий. А внизу, и это я тоже знал точно, опять же с двух сторон находилось то, что обычно называют пропастью. Удивительно, но, идя по невидимой тропе, я чувствовал себя очень комфортно, да и горный воздух оказался неожиданно свежим, успокаивающим и одновременно тонизирующим. Дышалось легко.

В общем, я смело шагал по безопасной, как мне казалось, тропе. Куда, зачем? И почему это я вдруг оказался в горах? Странно, но эти вопросы совершенно меня не волновали. Меня ничего в этот момент не волновало.

Всё изменилось, когда приличный кусок скальной породы неожиданно отвалился, словно не выдержав веса моего тела. Земля, как говорится, ушла из-под ног, я покачнулся (а может, и не покачнулся, не помню точно) и полетел вниз.

Странно, но не было страха. В голове только роились разные мысли и слова, сложившиеся во фразу, вернее, в дурацкий вопрос: «Что сначала обычно происходит в свободном полёте – отключается сознание или останавливается сердце?» Как будто не всё равно...

Необычным счёт я, что в ушах вместо предполагаемого в подобной ситуации свиста ветра стоял странный гвалт, какофония какая-то. Это меня удивило. Откуда вдруг взялись эти посторонние звуки, ведь летел я в пропасть совершенно один, без какой-либо компании.

Шум нарастал, становился невыносимым, и я... проснулся.

Пристёгнутый ремнями к креслу, обнаружил себя в салоне самолёта, заполненного кричащими от ужаса пассажирами. Воздух давил на барабанные перепонки, внутри меня, по пищеводу к горлу как будто поднимался тугой ком, не дающий мне дышать. А вокруг – расширенные от страха глаза людей, паника, крики и мольбы о спасении.

Самолёт падал. И это уже не было сном. Причём огромный лайнер не входил в пике или в штопор. У него работали все двигатели, он просто проваливался, как иногда случается в полётах, в воздушную яму, продолжая при этом движение вперёд.

– Но ведь не бывает таких гигантских воздушных ям! – подумалось мне.

И тут же, будто произнесённые мною слова явились неким паролем, падение прекратилось. Причём, без резкого толчка, характерного при внезапном прекращении движения. Самолёт теперь просто летел вперёд, как ему и было положено, двигатели деловито и ровно жужжали, в салоне работали кондиционеры, привычно и уютно рассеивали свет потолочные плафоны.

В наступившей полной, если не брать в расчёт гудение моторов, тишине, тонкий детский голос, с надрывом, произнёс по-испански:

– Мамуля, очень хочу какать.

Моментально кто-то отозвался из соседнего ряда:

– Деточка, думаю, что минуту назад здесь очень многим хотелось какать!

Моего скромного словарного запаса хватило, чтобы понять смысл услышанных фраз. Дружный смех стал реакцией пассажиров на забавный этот диалог. Юмор на самом деле – великая сила! О напряжённой тишине можно было позабыть. Улыбки, непринуждённое общение, будто и не было никогда ужаса, заставшего меня врасплох при пробуждении.

Итак, «Боинг-737» авиакомпании «AVIANCA», рейс AV87, вылетевший из аэропорта «Эльдорадо»

столицы Колумбии, продолжал свой полёт по маршруту Богота – Буэнос-Айрес. Лететь, по моим расчётам, оставалось чуть больше двух часов.

В динамиках раздался щелчок, и приятный мужской голос по-испански поделился с пассажирами информацией. Кое-как я понял, что самолёт, находясь в границах мощнейшего атмосферного фронта, попал в зону аномальной турбулентности, но сейчас опасность позади, и нашему полёту ничего не помешает, что у микрофона командир корабля, и он приносит пассажирам свои извинения по поводу доставленных неудобств. Затем пилот повторил то же самое, но уже по-английски.

– Ну и ну, – подумалось мне, – ничего себе! Часть пассажиров едва не обкакалась, другая же, по сути, простилась с жизнью, а он, видишь ли, за неудобства извиняется. Шутник, однако.

Многих моих друзей по несчастью пережитый недавно стресс, очевидно, обесточил энергетически, лишил сил, ибо почти все в салоне самолёта уже спали. Ко мне же сон не шёл, я приподнял опущенную шторку иллюминатора и прильнул к стеклу. Взгляду моему открылась картина, от которой захватывало дух.

Воздушное наше судно, как небесная каравелла, величественно плыло над бескрайней, казалось, снежной пустыней, освещённой ярким, загадочным голубоватым светом невидимой мне луны, спрятавшейся где-то в вышине. Саму пустыню кто-то будто накрыл огромным колпаком, рассыпав изнутри по его иссиня-чёрной ткани мириады звёзд, крупных, уютно подмигивающих с высоты, и совсем мелких,

мерцающих, как бриллиантовая пыль. Воздух же был будто слеплен из крохотных оптических линз, делающих его удивительно прозрачным, позволяющих чётко и объёмно различать малейшие детали фантастического этого пейзажа на огромном отдалении.

Поверхность облаков могла показаться статичной и безжизненной лишь на первый взгляд. На самом деле загадочная материя эта, искрящаяся под лунным светом, находилась в движении, перемещаясь, меняя конфигурацию снежных торосов и сугробов.

Что-то явно происходило и внутри неё, заставившее меня вспомнить древнегреческий миф о битве гигантов с небожителями, метаящих друг в друга молнии, ибо в разных точках под слоем облаков то тут, то там видны были всполохи разной силы и разных цветов – от голубовато-зеленоватых до оранжево-жёлтых. Зрелище завораживало, вызывая одновременно чувства страха и восторга.

Динамик снова щёлкнул, но заговорил на этот раз женским голосом. Авиакомпания сообщала, что в связи с погодными условиями закрыт аэропорт Буэнос-Айреса, да и почти все крупные воздушные ворота в регионе. Принять авиалайнер готов лишь Ла-Пас, столица Боливии. Мы совершим посадку там примерно через полтора часа. Компания снова приносит извинения и информирует, что гостиница и трансфер пассажиров оплачены.

Вот так, забегая вперёд, скажу, что совершенно неожиданно судьба занесла меня в Боливию!

Посадку я помню плохо, ибо именно тогда меня стал догонять сон. Когда самолёт вырвался из слоя

облаков, стал виден, несмотря на сильный дождь, уютно раскинувшийся внизу в окружении гор, залитый светом современный город. Боливия считается одной из самых бедных стран мира, вспомнил я, и на мгновение пришла мысль: может быть, мы всё-таки сели в другом городе, в другой стране. Но нет! Лайнер уже катился по лётному полю, а на фасаде аэровокзала чётко просматривались неоновые буквы «AEROPUERTO ITERNACIONAL EL ALTO. LA PAZ».

Смутно помню автобус с запотевшими стёклами, недолгую поездку по хорошо освещённым улицам, мрачноватый каменный фасад небольшого отеля, огромную кровать в тесноватом, но достаточно уютном номере.

Дождь негромко и ритмично барабанил по стёклам закрытого высокого окна, струи воды рисовали на них мудрёные узоры, тут же стекающие вниз. С непривычки было немного тяжело дышать, но шум дождя успокаивал, и я моментально провалился в глубокий сон.

Когда проснулся, было светло. Дождь закончился, только на стёклах всё ещё поблескивала щедрая россыпь крупных капель. Я распахнул створки окна, и тут же в комнату ворвался сырой, неожиданно холодный воздух вместе с городским шумом. Конечно, вспомнил я, закрывая окно, ведь в этих широтах сейчас ранняя весна, да и город расположен на приличной высоте над уровнем моря, как принято говорить.

Быстро умывшись, натянул водолазку, куртку-ветровку, водрузил на голову кепи и, выйдя из номера, спустился в лобби. Есть не хотелось, я отказался от предложенного завтрака, узнал, что информация

о вылете поступит не раньше трёх часов дня, что сейчас только десять по местному времени и что отель наш расположен в центре, в старой части города.

Прошёл сквозь внушительные, явно старинные, цвета морёного дуба двери с витражными вставками и, выйдя наружу, задержался на широком крыльце, с которого вела вниз достаточно крутая лестница с мраморными ступенями.

Прямо перед гостиницей лежала небольшая площадь, выложенная большими, мокрыми ещё плитами природного камня. В одной её части просматривалась продолговатая цветочница с декоративным кустарником, несколькими скамейками и фонтаном. Противоположной частью площадь упиралась в торговые ряды, возможно, небольшой рынок. Площадь была безлюдной, кроме как раз того самого рынка, привлекавшего издали внимание людским муравейником, яркими красками и звуками музыки.

За пределами площади в обе стороны по широкой улице, разделённой зелёным газоном, деловито текли автомобильные потоки. Противоположная сторона улицы была застроена, если судить по архитектурному стилю, ещё в начале двадцатого столетия невысокими двух- и трёхэтажными домами. Похожие дома легко обнаружить в Вене, Берлине, Хельсинки. Да и в Москве их немало. Здания были нарядны, отреставрированы, радовали взгляд свежеевыкрашенными фасадами, зеркальными стёклами витрин и разноцветными вывесками заведений на первых этажах.

Диссонансом смотрелся примыкающий к ним католический собор внушительных размеров. Его конструкция и декор явно указывали на эпоху испанского присутствия в Латинской Америке, внешним видом он очень напоминал соборы, виденные когда-то в Мексике. Вероятно, строили его долго и неоднократно перестраивали, ибо возведённые позднее объёмы отличались и стилем, и цветом камня.

Вдалеке, за массивной серовато-жёлтоватой колокольней собора, терракотовыми кубиками домов лепились к чёрно-коричневым предгорьям окраинные городские кварталы, взбираясь высоко-высоко. Ещё выше виднелась внушительная громада горной вершины, увенчанной снежной шапкой. Она завершала зрительно, как на живописном полотне, композицию.

Слева же и справа от меня, сразу за крышами старых зданий, обступивших площадь, в небо рвались разноцветные вертикали современных жилых высоток. Раскрашенные в мягкие, но достаточно яркие цвета, они создавали настроение праздника даже при пасмурном, хмуром, как сегодня, небе.

Где-то, на приличном расстоянии от центра просматривались очень высокие опоры подвесной канатной дороги с жёлтыми кабинками, напоминающими подвешенные к облакам крохотные плоды лимона.

– А город-то красивый! – произнёс я вслух, адресуя эту фразу самому себе. – Надо бы обследовать его тщательно. Как думаете, сеньор? – *Sí, Señor, estoy totalmente de acuerdo.* (Да, сеньор, полностью с Вами согласен)! – завершил я ответом на вопрос внутрен-

ний свой диалог, правда, без уверенности в правильности испанской его части.

Торговые ряды действительно оказались не-большим рынком. Импровизированным, я думаю, ибо производил он впечатление даже не временного рынка, а скорее своеобразной ярмарки. Под разноцветными тканевыми навесами в два ряда, вплотную здесь были установлены холодильники попеременно со стеллажами с товаром и столами, на которых громоздились кофемашины и различное оборудование для приготовления пищи.

В этих самых мангалах, электросковородах, кастрюлях, огромных, как на солдатских кухнях, и совсем крохотных что-то урчало, скворчало, шипело, жарилось, варилось, распространяя над территорией рынка волны крайне соблазнительных запахов.

Рот моментально заполнился слюной. Сначала я пожалел, что отказался от завтрака в отеле, потом решил, что это как раз и здорово, ибо, скорее всего, гостиничная еда была бы стандартной, привычной, ну а здесь – раздолье для гурмана... Тут же вспомнил, что денег-то у меня нет, имея в виду местные деньги. Но внутренний голос напомнил: «Старичок, у тебя же доллары, а доллар, как известно, – он и в Афри... простите, и в Латинской Америке – доллар».

Мысли о еде лишь на мгновение отвлекли меня, вывели из состояния нарастающего восторга, глубинную причину которого я ещё не конца осознавал, ибо всё, что происходило сейчас вокруг меня, не походило на обычные базарные житейские сцены, свойственные многим рынкам, где довелось побывать.

Скорее происходящее можно было назвать этно-фольклорным фестивалем, костюмированным представлением, красочным спектаклем. Ведь основная масса присутствующих здесь как продавцов, так и посетителей, одета была в национальные костюмы и платья. Но начинать анализ моих эмоций стоит, думаю, не с этого.

Я знал, что Боливия – одна из немногих стран Латинской Америки, где основное население – индейцы. Но как же местные индейцы внешне отличались, к примеру, от индейцев Перу или Мексики, виденных раньше: строением черепа, разрезом глаз, цветом кожи, выражением лиц, наконец! У большинства местных тоже смуглая кожа, но иного оттенка, если так можно выразиться, в основном крупные черты лица, будто вырезанные резцом скульптора из коричневого камня, с удивительным выражением спокойствия и чувства достоинства.

Это самое чувство собственного достоинства явно выразалось в поведении: плавность движений, отсутствие спешки, подчёркнутая деликатность. И естественная, ненамеренная театральность удивительного сего действия только усиливала убеждение, что я наблюдал необычный спектакль, вернее – красочное шоу.

Красочное – ещё и потому, что при рассуждении об одежде, о национальных костюмах боливийских индейцев определение это прекрасно вписывалось в контекст, ибо эмоции мои зашкаливали от феерических цветовых композиций, собранных в немыслимые по сочетанию цветов букеты орнаментов и декора. Если говорить о красочности одеяний тео-

ретически, сразу приходит на ум слово «кич», так как, опять же теоретически, нельзя, невозможно объединить такие разные, яркие цвета. Но здесь, в одежде индейцев они прекрасно соседствуют, не только уживаясь между собой, но создавая особый, впечатляющий, утончённый, я бы сказал, цветовой мир!

Всё это касалось, конечно, женских одеяний, ибо мужчин одетых в основном в привычную городскую одежду на рынке было немного, так что представители местного сильного пола просто терялись на фоне своих соотечественниц.

Чего стоили сложного, мудрёного кроя объёмные, многослойные юбки, собранные складками либо украшенные оборками и рюшами из блестящих ярких тканей: жёлтых, оранжевых, зелёных, небесно-голубых, украшенных иногда мелким орнаментом. Верхняя же часть одежды выглядела спокойней, в большинстве случаев это были большие платки с бахромой и неяркой вышивкой, используемые как накидки сероватых либо коричневатых тонов.

И, наконец, головы индианок венчали шляпки, я бы сказал, оригинальной конструкции. По крайней мере, я такие женские головные уборы точно никогда не видел.

В основном это были фетровые шляпы, чёрные, тёмно-серые, коричневые. По форме они чем-то напоминали одновременно мужские цилиндры и шляпы-котелки с узкими полями, а необычность их заключалась, на мой взгляд, в том, что они покрывали только макушки женских голов и производили впечатление изделий меньших размеров,

чем требовалось. Как держались они на головах, для меня было загадкой, но держались на самом деле безо всяких проблем для их владельцев.

Смотреть на необычную красоту происходящего можно было вечно, но и желание исследовать Ла-Пас никуда не исчезло. И прежде чем покинуть удивительное это место, я решил, что стоит попробовать что-либо на вкус, в прямом смысле слова.

Подойдя поближе, задержался у столика, где на огромном подносе высилась буквально гора то ли булочек, то ли пирожков, источающих даже на расстоянии ароматы, возбуждающие аппетит. Да и вид этих самых то ли булочек, то ли пирожков был крайне аппетитен. Коричневатое, местами золотистое, судя по всему, хорошо пропечённое тесто в форме лодочки, поверхность которой украшала тёмно-коричневая косичка из того же теста.

Индианка в чёрной шляпке, хозяйка, смотрела на меня доброжелательно-индифферентно-терпеливо, не улыбаясь и не пытаясь завести со мной разговор.

– *Es carne? Por favor!* (Это с мясом? Пожалуйста!) – напряг я свой хилый испанский. Женщина медленно опустила голову в знак согласия и произнесла слово, которое я не понял. Я достал свою мелкую наличность, протянул её на ладони, показывая два пальца на другой руке. Индианка аккуратно отделила купюру в один доллар, убрала деньги куда-то под накидку, оторвала бумажную салфетку от рулона, но, прежде чем завернуть пирожки, почему-то демонстративно подержала их вертикально, показывая мне.

Поблагодарив, забрал я свой тёплый, ароматный кулёк и двинулся дальше, к столам с напитками. Увидел на одном бутылки, напоминающие пивные, но с незнакомой этикеткой, спросил уже почти уверенно:

– Es una cerveza, Señora? (Это пиво, сеньора)?

Бутылка местного пива «Paseña» обошлась мне ещё в один североамериканский доллар.

Уже уютно устроившись на скамейке в безлюдной части площади, рядом с фонтаном, откупорив с помощью брелока бутылку, вспомнил вдруг о манипуляции с пирожками женщины-продавца, придал одному вертикальную позицию и аккуратно откусил кончик. Так вот в чём был фокус! Ароматная мясная начинка буквально плавала то ли в бульоне, то ли в соусе, как в чебуреках. И, следовательно, если бы я начал есть, как обычно мы едим пирожки, моя куртка оказалась бы тут же залитой жирным мясным соусом. Ай да сеньора, благодетельница ты моя! Спасибо тебе! (Теперь-то, кстати, я знаю, что пирожки эти называются – «салтеньяс». Именно это слово, произнесённое индианкой на рынке в момент покупки, я не понял.)

Утолив голод, перебрался на противоположную сторону улицы, чтобы вблизи разглядеть монументальный фасад собора. Прошёлся по небольшой площади перед зданием, прикоснулся к холодному, сырому камню, постоял, задрав голову, перед массивной колокольной и медленно, смешавшись с толпой, побрёл дальше по идеально чистому тротуару.

Через квартал, направо по ходу моего движения, вверх уходила улица, мощёная камнем. Когда-то, в детстве, я застал мощёные улицы моего родного

города. Потом их, к сожалению, покрыли асфальтом. То ли вспомнив былое их очарование, то ли повинаясь внутреннему навигатору, я свернул направо.

Улица, по которой я теперь шёл, была застроенная двух-трёхэтажными зданиями, и оказалась по своему уютной, живописной даже, за счёт бесчисленных разнокалиберных витрин и разноцветных вывесок, создающих особый архитектурный ритм, радующий взгляд.

Сначала я прочитывал, как и было положено, вывески полностью, не вникая, правда, в смысл незнакомых названий. «LAYDA», «GALERIA CHITO ART», «LAYO»... Позже от вывески к вывеске латинские буквы стали сливаться, выстраиваться в некую сложную, но забавную линию: OPTICAFOTCOPIAS HOSTALCACORAKHACHAPURI...

Стоп!!! Ну ка, давай назад! Что это ещё за – KHACHAPURI? Игра слов? Влияние разреженного воздуха или пива «Paseña»? Или что-то ещё? Ибо если медленно и внятно прочесть эту, уже конкретную вывеску, прикреплённую чуть выше красивой резной деревянной двери на первом этаже трёхэтажного белого дома в колониальном стиле, получалось – ХАЧАПУРИ! Я прочёл ещё раз. Ничего не изменилось. Ниже этого загадочного слова более мелким шрифтом было написано *restaurante*. Я покрутил указательным пальцем у собственного виска и машинально толкнул створку двери.

Внутри я обнаружил достаточно уютный зал, занимавший большую часть первого этажа. Дизайн помещения соответствовал архитектурному стилю дома: белые оштукатуренные стены, обшитый тём-

ными досками потолок, мощные балки перекрытия из того же морёного дерева, полы, выложенные каменными плитами. На окнах – коричневые тяжёлые гардины, раздвинутые полностью, не мешающие дневному свету проникать внутрь помещения.

Уют и своеобразный шарм залу придавали яркие, возможно, ручной работы, тканые скатерти на столах, ковры, со вкусом подобранные, продуманно, но якобы случайно разбросанные по полу. На стенах – большое количество старых фотографий, дагерротипов и гравюр в деревянных рамках, оттенявших белую штукатурку.

Звучала негромкая музыка, два или три столика были заняты, в воздухе плавали ароматы еды и незнакомых специй, проникающие из кухни.

У арки, ведущей куда-то во внутренние помещения, задрапированной такими же, как и на окнах, гардинами, беседовали два молодых официанта, одетые в белоснежные рубашки с воротниками жабо, чёрные брюки, в достаточно длинных тёмно-красных фартуках-передниках. Светлокожие, черноволосые и черноглазые, парни эти отличались внешне от индейцев, коих было большинство на рынке, откуда я пришёл.

Увидев посетителя, один из них, широко улыбаясь, направился в мою сторону.

– Buenos Dias! Que quiere el Señor? (Добрый день, что желает сеньор)?

Вопрос застал меня врасплох, ибо я и сам не вполне понимал, чего я хочу и зачем пришёл? Вернее, я знал, чего именно я хочу, что заставило меня войти, но не был готов объяснить это внятно симпа-

тичному молодому человеку в стильной форменной одежде. Я замялся, забыв от волнения те крохи испанского, какие знал. Образовалась пауза...

И вот тогда произошло нечто, казалось бы, немыслимое: второй официант, оставшийся у арки, вдруг позвал «моего» по имени:

– Армен! – и добавил по-грузински: – Гахсовс чеми тховна (Помнишь мою просьбу)?

О какой просьбе шла речь, я не знаю, но, представьте себе на минутку: ресторан в центре города Ла-Пас, столице затерянной в горах Южной Америки страны Боливии. И вот в этой самой Боливии, где государственным языком является испанский, где большинство жителей – индейцы, один официант разговаривает с другим, у которого армянское имя, на грузинском языке!!!

Шок – это самое простое и безобидное слово, пришедшее в голову! Может быть, разрежённый воздух и вправду вызвал с непривычки «глюки»?! Не знаю, какое у меня в тот момент было выражение лица, но выражение лица официанта явно изменилось, улыбка сменилась тревожным удивлением.

– Que Pasa, Señor (Что с Вами, сеньор)? – медленно произнёс юноша.

Видимо, не до конца ещё вернувшись в реальность, я, неплохо владея грузинским, ответил вопросом на вопрос, по-русски:

– Вы действительно готовите хачапури? – и добавил по-армянски: – ахпер-джан (друг)!

Вряд ли можно было придумать что-либо более глупое и несуразное! Тем более, далеко не факт, что мой визави знал русский.

Теперь пришёл черёд официанта удивляться, но парень быстро справился, снова широко улыбнулся и ответил по-русски, но с акцентом:

– Ну конечно, дядя, и не только хачапури, а ещё сациви и долму, к примеру! Присаживайтесь, пожалуйста! За любой столик!

Акцент оказался специфическим, мне он был знаком – так говорят армяне, живущие в Грузии.

Я опустился на стул у ближайшего столика и показал официанту рукой на соседний стул, приглашая сесть и его. За всем происходящим с интересом и восторженно наблюдал второй официант. «Мой» же, попросив знаком коллегу взять на себя заботу о клиентах в зале, аккуратно присел на край сиденья.

– Хачапури и прочие кулинарные шедевры кавказской кухни подождут! Я оказался здесь, в городе, совсем случайно и сегодня же улетаю, времени в обрез. Так что, генацвале, рассказывай! Что именно? Да всё рассказывай! – попросил я, увидев вопрос в глазах Армена, – сначала, подробно, но коротко!

– Алик, тот, второй, мой сосед и друг детства, мы жили рядом в Авлабаре, в Тбилиси. Я – армянин, он – айсор. Наши отцы дружили. Когда в Тбилиси в 1992-м году начались бои между войсками президента Гамсахурдия и гвардейцами Китовани, обе наши семьи покинули Грузию, – тщательно выговаривая русские слова, начал своё повествование Армен.

– Сначала мы пошли в Польшу, но так и не встали на ноги там, хотя мой и его отцы вкалывали в автосервисе – они хорошие мастера по жестянке. Потом моего отца разыскал двоюродный брат, он жил уже тогда в Колумбии и предложил поехать в

Боготу. Аликины родители не рискнули, остались в Польше, но Алик поехал с нами в Латинскую Америку. Моя родня имела немного накопленных денег, и потом, привыкнув к новому месту, с дядиной помощью они открыли небольшое кафе-мороженое на улице. Потихоньку дело пошло. Позже удалось взять в аренду ещё и зал, где сделали уже ресторанчик. Родители – в кухне, мы с Аликом – в зале, официанты. И всё неплохо, но там, в пригороде столицы не было спокойно – то грабили, то рэкет, да и полиция тоже наезжала. Конечно, маленький наш бизнес кормил семью, но особой перспективы на будущее мы не видели. Привычная работа, привычные люди-посетители. Так и уходило время, медленно и одинаково.

До того момента, пока как-то раз в зале ни появился незнакомый человек!

Он оказался наш земляк, из Сухуми, хорошо говорил по-грузински. Приехал по делам, кого-то навестить. Ему очень понравилось, как моя мама готовит, и он сказал, что живёт сейчас в Боливии, имеет там небольшую гостиницу в столице и хочет открывать кавказский ресторан. Он взял наш адрес, спросил, не хотели бы мы работать у него, давал гарантию, попросил подумать.

Через две или три недели мы получили пакет с фотографиями его гостиницы и помещения для ресторана, а также конкретно насчёт зарплаты и жилья в городе Ла-Пас. Этот человек вызывал доверие, мы посоветовались и рискнули. И не жалеем!

Сейчас Вы как раз находитесь в этом ресторане нашего босса!

– Так он из Абхазии? Армен-джан – я тоже! И я сухумчанин! Как его зовут, сколько ему лет? – с волнением расспрашивал я официанта.

– Ну, ему примерно, столько лет, что и Вам, а зовут его – сеньор Эдуардо Веласкес, только фамилия эта не родная, конечно, он сам шутит, что присвоил себе фамилию великого художника, а настоящую его фамилию я не знаю.

– Армен, а где он сейчас? – нетерпеливо перебил я парня.

– Здесь, у себя в кабинете или наверху, в отеле.

От волнения меня охватила дрожь, шутка ли, встретить в Боливии, у чёрта на куличках земляка – это историческое событие, даже если мы и не знаем друг друга!

– Армен, дорогой, мне надо увидеть его! Думаю, и для него наша встреча станет сюрпризом! Только давай придумаем в шутку маленькую интригу, не говори ему, в чём дело! Скажи, например, что попался клиент кляузный, чем-то недоволен, требует в зал хозяина, иначе обещает скандал! Ну, или что-либо в этом духе, придумай сам! Давай, действуй! Малеццади, цаватанем (Иди побыстрее, дорогой)! – завершил я свою просьбу фразой из двух грузинских и одного армянского слова.

Отправив официанта со специальным, можно сказать, заданием, сам пересел за дальний столик спиной к арке, раскрыл объёмистое меню в кожаной папке и уткнулся в него, слегка прикрыв папкой лицо. На всякий случай, а вдруг?!

Ждать пришлось недолго. В проходе за гардинами слышались шаги, затем, уже в зале, я расслы-

шал негромкий вопрос на грузинском, обращённый, по-видимому, к Армену:

– Ромели? Эс арис (Который? Этот)?

Кто-то, кого я не видел, подошёл к моему столику.

– Hola, Señor. Soy el amo. Querías verme (Здравствуйте, сеньор! Владелец – это я! Вы хотели видеть меня)?

Не открывая лица, я постарался придать своему голосу грозную, задиристую интонацию и буквально прошипел по-русски:

– Не только увидеть, но и поскандалить малость, пативцемULO батонo патрони (уважаемый господин хозяин)!

И только вставив в конец якобы гневной тирады грузинскую фразу, я опустил папку с меню и, повернувшись к своему визави, взглянул на него снизу вверх.

А сверху на меня внимательно смотрел, не мигая, высокий, слегка грузный мужчина, показавшийся мне гигантом не только благодаря росту, но из-за ракурса.

Правильные черты лица, короткие рыжеватые волосы на висках и пронзительный, какой-то удивительно знакомый взгляд ярко-голубых глаз.

Что-то непонятное творилось внутри меня, перехватило дыхание, в ушах появился противный шум, сердце заколотилось почему-то не в груди, а в горле... Я будто снова услышал слова, уже произнесённые незнакомцем, и, о Боже, узнал голос!!! Голос, который я не мог спутать ни с каким другим, несмотря на пролетевшие десятилетия! Голос друга моего детства – Эдуарда! Эдика! Эдо!

Я попытался улыбнуться, но вместо этого из глаз моих брызнули слёзы, я совсем по-детски, неловко попытался обнять гиганта, прижался к нему головой и разрыдался.

Лица его в тот момент я, естественно, не видел, но уверен, что плакал и он. Плакал и молча гладил мою голову, как в детстве гладят провинившихся и прощённых затем детей.

Мне казалось, что я сплю или смотрю очень крутой современный фильм с эффектом присутствия, какой-нибудь 4D, или 6D, или не знаю, что там бывает ещё круче!

В зале стояла полная тишина. Вытерев слёзы, я увидел обращённые к нам лица посетителей, удивлённых, не понимающих, что именно происходит на их глазах, но сочувственно улыбающихся. Да и оба слегка обалдевших официанта смотрели на нас с восторгом!

И дальше всё происходило, как во сне, в прекрасном, сказочном цветном сне, какие порой снятся каждому из нас в детстве, когда ты уверен, что всё происходит в реальности, которую, увы, разрушает потом пробуждение.

Накрытый в мгновение ока стол, заставленный разнокалиберными тарелками, тарелочками, мисками и вазами с благоухающей едой, украшением которого, безусловно, было внушительных размеров блюдо из белого фарфора, на котором вольготно разлёгся покрытый ароматной поджаристой золотистой корочкой цвета полуденного солнца огромный хачапури! Боливийский хачапури!!! И это было фантастикой!

– Ни абхазской, ни грузинской чачи у меня нет, будем пить итальянскую граппу.

Мне же было совершенно всё равно, пить ли что-либо вообще и что именно пить.

Вопросы, вопросы, вопросы! Я вываливал их десятками на бедного Эдуарда и, не давая ему толком возможности ответить, подбрасывал всё новые и новые порции. Да и мне самому приходилось рассказывать другу, которого не видел лет тридцать, хотя бы коротко, о том, чего он не знал, но что было крайне интересно и важно для него.

Но любой, самый прекрасный сон когда-нибудь заканчивается!

Старинные часы, висевшие в зале над аркой, пробили три раза. Увы, мне предстояло вернуться в отель. Эдик взялся меня провожать.

Я расцеловался с официантами, приветливо помахал рукой оставшимся в ресторане клиентам и поддерживаемый за локоть Эдиком вышел на улицу. Нет, я не был пьян, моя неуверенная походка скорее объяснялась мощной лавиной эмоций, свалившихся на меня чудесным образом здесь, в городе Ла-Пас, неофициальной столице южноамериканского государства Боливия, в который я попал совершенно случайно. Хотя, с другой стороны, случайностей ведь на самом деле не бывает.

Неисповедимы пути твои, Господи...

В лобби Эдуард вручил мне визитку с адресом и личным номером телефона и взял с меня слово, что я обязательно приеду сюда снова в качестве его гостя.

В самолёте, немного придя в себя, я с ужасом понял, что, находясь в состоянии эйфории от удивли-

тельной нашей встречи, я позабыл многое из того, что рассказывал мне школьный друг. Запомнилось только, что он уехал из СССР в конце восьмидесятых, некоторое время жил в Голландии, а в конце девяностых перебрался в Южную Америку. И что семьёй так и не обзавёлся...

И вот я сижу в московской своей квартире, опустошённый, с влажными глазами и телефонной трубкой в онемевшей руке. В окна медленно вползает серый осенний рассвет, в голове роятся мысли, одна мудрёнее другой.

Ну не могу я просто так поверить в неожиданную смерть моего друга. Любого другого – да. Но только не Эдика!

Грустное настроение сменяется внезапными приступами веселья, когда я убеждаю себя, что это очередная, необходимая по какой-то конкретной, неведомой мне причине мистификация уникального человека, авантюриста, комбинатора, Игрока!

И в этот момент мне хочется верить, что пройдёт время, мне позвонят из офиса какой-нибудь солидной авиакомпании и скажут:

– Уважаемый господин Делба! Имеем честь сообщить, что сеньором Эдуардо Веласкесом оплачены Ваши авиабилеты до Ла-Пас, Боливия и обратно, первым классом. Когда Вам удобно принять курьера?

Taura

Время от времени ласкает слух изысканная джазовая мелодия. Это рингтон моего мобильного телефона. Я долго и внимательно подбирал для него музыкальную тему. Порой даже ловлю себя на мысли – позвонил бы кто ни будь, появится возможность лишний раз послушать классную музыку.

На этот раз, однако, любимые фортепианные фразы вызвали чувство тревоги, ибо, когда они зазвучали, будильник на прикроватной тумбе показывал 5:47. Утра, разумеется. Кому это я понадобился в такую рань? А главное – зачем?

– Вова, я разбудил тебя? – В трубке звучал взволнованный голос моего друга Юрия, историка, доктора наук. Вполне себе солидного человека. – Где ты сейчас? В Москве? А, в Абхазии! Ну ладно, это неважно.

– Юра, как мне ответить на твой вопрос насчёт пробуждения? Интеллигентно? Или ты провоцируешь на ненормативную лексику? Ладно, проехали! А откуда ты звонишь в такое время, и что стряслось?

– Не волнуйся, ничего страшного. Я на Сицилии.

– И необходимо было сообщить мне об этом именно на рассвете? Может тебя захватила мафия, требуют выкуп? Сицилия всё же, понимаешь! Так

сколько нужно, я переведу нужную сумму через бейрутское отделение Российско-Азовского банка! Только скажи. Кстати, а Сицилия в ЕС? Там евро или всё ещё итальянские лиры?

– Хватит ёрничать, у нас тут вообще ещё не рас-
село. Не дотерпел я до утра. Слушай меня внима-
тельно. Ты знаешь, что тема моих исследований –
связи кавказских народов, наших прародителей,
с былыми мировыми цивилизациями, в частности,
с Древним Римом. Я рассказывал, что получил офи-
циальное приглашение Советника Государственного
Секретаря Ватикана поработать в их архивах. Много
чего «нарыл», жаль, что плохо знаю латынь, а так
здесь – Клондайк, в смысле огромного количества
ценнейших оригинальных документов. Но ладно,
об этом, когда вернусь.

Позавчера мне в Рим позвонил коллега и друг
Этторе Барбери, археолог, профессор университета
La Sapienza. Они копают на Сицилии, недалеко от
городка Новара, уже давно. Несколько дней назад
было вскрыто очередное захоронение римских ле-
гионеров, и именно оно может представлять, как
он сказал, особый интерес для меня, ибо есть бес-
спорные признаки, указывающее на происхождение
воинов, а именно на их принадлежность к народам,
населявшим в древности территорию современного
Кавказа.

Прервав работу в архиве, вчера утром я приле-
тел на Сицилию. Этторе встречал меня в аэропорту
«Фонтанаросса», ближайшем от Новары. По пути к
лагерю археологов коллега ввёл меня в курс дела.

Итак, сначала обнаружили своего рода братскую могилу, в которой прямо в земле были захоронены шестеро легионеров, а позже, на расстоянии двух десятков метров на возвышении раскопали ещё могильник. Останки двух воинов были погребены с гораздо большими почестями, что сразу бросалось в глаза. Во-первых – выбранное место, небольшой холм в стороне от первой могилы, во-вторых – погребальные лежа, вырытые отдельно для каждого тела, были аккуратно выложены изнутри местным камнем. Получалось нечто среднее между каменным гробом и небольшим склепом. В процессе погребения лежа накрыли каменными же плитами, и только потом засыпали землёй.

Что интересно, захоронения эти, видимо, в силу каких-то причин, постарались сохранить в тайне. Это удалось, и стало для нас, потомков, профессионалов, огромной удачей!

Так вот, первые шестеро – рядовые солдаты, легионеры, а вот двое из склепа – совсем другое дело.

Вова, я стараюсь сказать главное, опуская многие детали. Как ты уже понял, погребение избежало разграбления. Прекрасно сохранились доспехи, оружие. Даже ткани и кожа не истлели полностью. Было ясно – оба были патрициями, принадлежали к сословию Всадников. По наградным фалерам можно предположить, что служили они императору Веспасиану или его сыну Титу Флавию. Но самым важным для меня, и это явилось причиной звонка Этторе, были родовые знаки на шлемах воинов. Знак одного из них однозначно указывал, и это констатировал профессор Барбери, на аланские корни. А вот уви-

дев воочию второй, я испытал волнение, близкое к шоку, ибо на шлеме красовалась тамга, родовой знак, характерный для ряда кавказских народов, в том числе абазгов и апсилов. В этом не было сомнения! Просто подарок судьбы! Я многое знаю об абхазских родовых знаках, но не настолько, чтобы сразу и точно указать, кому он принадлежал. Мне пришлось попотеть: послал запросы коллегам в Сухум, Москву, Нальчик, Майкоп. Поднял максимум материала в Интернете.

А сейчас, Вова, внимание! Вот почему я не дотерпел до утра: помнишь рассказанную тобой легенду о происхождении фамилии Делба. Согласно ей, раньше вы жили в районе Пицунды, и носили фамилию Цанба, ты даже писал об этом в одной из своих книг. Так вот, мой дорогой, – родовой знак, тамга с шлема римского воина-Всадника принадлежит роду Цанба! Теперь это установлено точно! Вот так!

Ну, основное я тебе рассказал! А теперь необходимо хоть немного поспать! Так что позвоню, как только появятся новости!

Ну, конечно, мой друг заслужил «хоть немного» сна. Мне же спать уже расхотелось. Я даже не понял пока, насколько подействовала на меня новость, сообщённая Юрием, и подействовала ли вообще? Возможно, я ещё не до конца проснулся. Но разобраться с полученной информацией, а вернее, со своими эмоциями, следовало.

Приняв контрастный душ, я окончательно изгнал из себя остатки сна, а большая чашка свежесваренного кофе явно располагала к активной работе серого вещества.

– Итак, давай-ка, милый друг, – сказал я себе, – для начала расставим всё, что ты услышал, по полочкам. А вернее, выстроим, на основе полученной информации, некий логический ряд. Ряд, которому нужно следовать в своих рассуждениях.

Думаю, понадобится некая инвентаризация собственных знаний, так или иначе связанных с темой, заданной моим другом.

Древний Рим! Великая цивилизация, страна, подчинившая себе огромные территории, просуществовавшая полторы тысячи лет! Внёсшая огромный вклад в копилку истории и культуры человечества, подарившая миру множество уникальных людей: воинов, политиков, мыслителей, поэтов, инженеров. Оставившая после себя передовые по тем временам технологии, грандиозные архитектурные памятники, великолепные дороги и виадуки. Что лично я знаю о нём?

Конечно, мне доводилось много читать о Древнем Риме: беллетристику, и отдельные научные работы, но специально ничего не изучал. Да, я знал, что римские Консулы и Императоры призывали инородцев, жителей других стран, на военную службу. Что существовали тесные связи метрополии с отдалёнными территориями, в том числе с моей прародиной, Кавказом, поэтому известие, что под римскими знамёнами служили аланы, колхи, абазги и апсилы не стало для меня открытием. И ещё я помнил, что имя императора Тита из рода Флавиев, как и имя его отца, императора Веспасиана, были связаны со строительством в Вечном Городе вели-

чественного Колизея, сохранившегося к счастью до сегодняшнего дня. Это первое!

Теперь, и это второе, о моём генеалогическом древе. С детства ношу я фамилию Делба. Корни нашей фамильной ветви – в селе Адзюбжа, недалеко от реки Кодор, в Восточной Абхазии. Прадед мой Соумаква, и дед Пий, как его называли близкие, всю жизнь прожили на одном месте, да и отец – Михаил, Миха Делба, родился там же, в доме предков. И с пяти лет помогал отцу работать на земле, ибо род мой – крестьянский.

Что касается легенды о происхождении фамилии, и подлинной якобы истории рода, то услышал я её в зрелом возрасте от отца. Я неоднократно делился услышанным с друзьями, даже позволил себе пересказать легенду в одной из своих книг.

Речь в ней шла о представителе княжеского рода племени садзов или джикетов, выходцев из района современного Сочи, носивших фамилию Цанба (Цандба).

Конкретный же Цанба, который по легенде является моим предком, жил недалеко от Питиуса, или современной Пицунды. Жена, трое сыновей, большой дом, крепкое хозяйство! Много работал на земле, славился трудолюбием, широтой души, гостеприимством. Строго соблюдал нормы «Апсуара», кодекса поведения абхазов. А кодекс, вкупе с традициями, в частности предполагал, что еда для гостей должна готовиться хозяином только из свежих продуктов, в том числе из живности, забитой специально для застолья. Даже если в течение дня дом посетят несколько разных компаний гостей.

И случилось как-то, что в отсутствии хозяина дома, жена нарушила правило: приняв одну группу гостей вслед за другой, она приготовила яства из мяса бычка, но забитого утром, а не перед вечерним застольем.

Гости, а это были представители известных, достойнейших фамилий от угощения отказались, и с негодованием покинули подворье.

Позор, павший на всю фамилию, смыть было невозможно. Глава семьи обязал жену собрать самое-самое необходимое, усадил её с детьми в повозку, запряжённую лучшими своими лошадьми, выгнал на улицу многочисленную живность, и поджёг дом. Когда же собравшиеся соседи попытались тушить пожар, хозяин не допустил их к дому, пока тот не сгорел дотла.

Именно тогда турки, жившие неподалёку, шокированные увиденным, и узнавшие о причине пожара, воскликнули: – «Безумец, безумец»! И слово это, повторенное неоднократно, звучало то ли «Дели», то ли «Дела»...

Предок же мой, если следовать легенде, пройдя с семьёй через суровые испытания, ибо путь был долгим и мучительным, добрался до реки Кодор, и обосновался, пустил корни на левом берегу. Возможно, сжигая все мосты, связывающие с прошлым, отказался от фамилии Цанба, и вспоминая гортанные выкрики бывших соседей, стал называть себя – Делба.

Прошло время, сыновья выросли, старший остался с родителями в отцовском доме, двое других отделились. Один отправился в горы, туда, где

сейчас современный город Ткуарчал, второй ушёл по побережью километров на сорок восточнее Кодора, и осел там.

Вот, собственно, и пересказ той самой легенды. Помню, что воспринял я её именно как легенду, как красивую сказку, не более того. И не вызвала она никакого волнения души.

Впоследствии мне довелось выслушать несколько разных версий этой истории от разных людей, причём не только от своих родственников.

Ещё в начале девяностых мою невестку Мери Делба познакомили с очень-очень старой женщиной, целительницей, жившей в селе Лдзаа, на Пицунде. Услышав фамилию Мери, старушка спросила, не из тех ли она Делба, которые пошли от рода Цанба? И рассказала любопытную историю: в молодости она постигала искусство лечения людей от старших, известных всей Абхазии знахарей. В том числе и представителей рода Цанба. Считалось, что у цанбовцев особая, уникальная кровь, исцеляющая от многих серьёзных болезней. И порой, со слов старушки, знахари обращалась к мужчинам Цанба с просьбой дать кровь, и те давали. И кровь их спасла множество жизней.

Женщина плохо говорила по-русски, и невестка не поняла толком, каким образом брали эту кровь, и как её использовали. Да и я не счёл необходимым вдаваться в подробности этого разговора, тем более, что прошло много времени, и давно не было в живых ни самой знахарки, ни её наставников.

И вообще, ко мне эта экзотическая история не имела, по сути, никакого отношения.

Но ведь что-то меня действительно «зацепило»! Ну, конечно, если абстрагироваться от привычных повседневных дел и мелких проблем, на которые приходится тратить время и нервы, и попробовать посмотреть на себя, своё происхождение, историю народа как бы приподнявшись над обыденностью, то можно почувствовать, как захватывает дух!

Это надо же! Далёкий-далёкий остров Сицилия, город, название которого ничего мне не говорит, да ещё временное расстояние длиной в две тысячи лет!!! И там, в этой самой Новаре когда-то с воинскими почестями захоронили римского патриция, легионера из привилегированного сословия воинов-Всадников, который оказался моим земляком, представителем древнего моего народа, а возможно, и моим прародителем!

Я и не заметил, что солнце уходит за горизонт. День пролетел незаметно. В висках стучало от нервного напряжения, а выпитое за день огромное количество крепкого чёрного кофе спокойствию явно не содействовало. Пора – решил я – прерваться.

Легко сказать! Ночью мне долго не давали уснуть мысли о Древнем Риме, воинах-кавказцах, жаркой экзотической Сицилии! А погрузившись, в конце концов, на рассвете в беспокойный сон, я отчётливо увидел эту самую тамгу, родовой знак Цанба, о котором вёл речь Юра!

Небольшой золотой овал, размером с современную десятирублёвую монету, сверкал, отражая лучи солнца, будто и сам был крохотной частью Светила. Яркие блики слепили глаза, но я успел рассмотреть

в центре овала три треугольника, соединённые между собой...

Юрий позвонил поздно вечером следующего дня.

– Вотсап не работает почему-то, – заявил он для начала. – Потому буду краток. Местные карабинеры помогают, чем могут, профессору Барбери. Криминалисты исследовали останки легионеров и обнаружили следы множества ранений и травм, полученных, скорее всего, в сражениях. Это понятно. Но самое главное, в костях всех обнаружены следы сильного растительного яда, который, можно утверждать с большой степенью вероятности, и послужил причиной смерти.

Вова, эта информация – промежуточная. Более полную смогу, видимо, предоставить только по возвращению. Обнимаю!

Конечно, международные телефонные разговоры совсем недешёвы. Жаль, что с Вотсапом проблемы. А ведь у меня к Юре накопились вопросы, которые я так и не смог задать.

И ещё – мне, пожалуй, стоило признаться другу, что я неожиданно для себя серьёзно «заболел» этой самой сицилийской историей, что второй день она не даёт мне покоя, особенно после того, как во сне (во сне ли)? увидел я сверкающую золотую тамгу. Никто не может объяснить природу сна, но ведь никогда ранее мне не встречался этот знак.

Шоковое состояние ещё поджидало меня на просторах Интернета. Найти материал по родовым

знакам оказалось не очень сложным делом, а вот реальным шоком стал тот факт, что изображение на тамге из моего сна, и на рисунке из научного труда известного абхазского учёного Шалвы Денисовича Инал-Ипа, действительно принадлежало княжескому роду Цанба.

Головная боль временами становилась нестерпимой. Вообще моё состояние напоминало состояние сильного похмелья, хотя спиртного я не пил. Плюс липкая, влажная августовская жара, от которой не было спасения. К тому же, пользуясь молодёжным сленгом, я сознавал, что древняя эта, почти детективная история, начинала «сносить мне крышу»!

Распечатав солидную пачку листов с найденными в интернете материалами, приняв три таблетки ибупрофена, я рискнул снова погрузиться в тему.

Сначала было трудно читать, текст никак не хотел усваиваться, но со временем я стал привыкать. К тому же головная боль немного отступила. И чем глубже я погружался в текст, тем больше ощущал знакомое, но подзабытое чувство из детства, когда по непонятной причине я внезапно просыпался на рассвете, и некоторое время шёл как бы внутри узкого коридора своего сознания, не зная точно, где сон, а где реальность.

И сейчас я утрачивал ощущение реальности, слипались глаза, буквы начинали расплываться, внутри сознания в клубах розового тумана появлялись нечёткие видения, которые я не мог разобрать, а в ушах возникали странные звуки, какофония какая-то, перекрываемая шумом дождя.

Из странного, почти наркотического состояния меня ненадолго вывел свежий ветер, ворвавшийся в комнату со стороны моря. За окном действительно шёл сильный дождь. Небо из спокойного ярко-голубого превратилось в тревожное серо-фиолетовое, сверкнула молния, за ней вторая, а затем небеса обрушились на землю со страшным грохотом. Гром должен был бы вывести меня из состояния транса, но, как ни странно, наоборот, комната, и предметы вокруг меня стали терять очертания и, в конце концов, будто растворились в том самом розовом тумане...

Небо нависло над великим городом, как перевернутый кем-то бездонный синий сосуд. Ярко-синий цвет неба живописно контрастировал с белыми стенами и терракотовыми черепичными крышами домов, плавно и торжественно стекающих с холмов в низины.

Шёл девятый день пятого месяца Maius, восемьсот тридцать третьего года ad Urbe condita, то есть от основания Рима. Император Тит Флавий наконец-то завершил начатое его отцом, императором Веспасианом, строительство гигантского амфитеатра в центре Рима. Сооружение, истощившее римскую казну, действительно получилось грандиозным. Его сразу же стали называть амфитеатром Флавиев.

Расположенный в естественной ложбине между тремя холмами, он поражал взгляд размерами и величественной архитектурой. Стены цирка из природного камня уходили ввысь, на пятьдесят метров четырьмя мощными и одновременно элегантными

ярусами. Фасад нижних трёх украшали галереи, обрамлённые колоннами.

Изнутри сооружение впечатляло ещё больше. Огромная арена в форме эллипса, пятьдесят тысяч зрителей в амфитеатре, укрытых от прямых лучей солнца огромными полотнищами парусного полотна, натянутыми военными моряками на корабельные мачты по периметру верхнего яруса. Подобного колоссального сооружения мир ещё явно не знал.

Возможно, Тит собирался сохранить своё имя в истории не только как мудрого и справедливого правителя, несущего Риму процветание и стабильность, покровителя искусств, но и как выдающегося «зодчего», ибо одновременно с цирком, в Риме построили ещё два, чуть более скромных, но впечатляющих архитектурных шедевра: – Храм Мира и Арку Тита.

Я стоял на балконе второго яруса амфитеатра, наблюдая сверху за происходящим на арене. Находясь в узкой части эллипса, я мог видеть почти всё, что происходило внизу.

Согласно Уставу, принятому ещё Консулом Гаем Марием, на мне был тяжёлый панцирь-катафракта центуриона «примипила», с наградными знаками-фалерами, поножи и массивный шлем Всадника с нащечниками и посеребрённым гребнем. Помимо гребня, на шлеме, с правой стороны красовался золотой родовой знак.

Этот знак был предметом особой гордости тех, кто имел право прикреплять его к шлему, и острой зависти тех, кто такого права не имел. А правом

носить такой знак-тамгу обладали, с недавних пор, только знатные сарматские и аланские воины, а также выходцы из прибрежных территорий Euxēinos Pontos, «Гостеприимного Моря» – колхи, апсилы, абазги, вставшие под знамена Римской империи и введённые в сословие Всадников. Такие, как я.

Там, внизу, на арене, только что закончились сражения гладиаторов. Тела убитых уже были убраны, рабы посыпали арену чистым золотистым песком, специально привозимым из ближайшего карьера в долине реки.

Пространство арок между мощными колоннами было перегорожено металлическими решётками. У каждой колонны дежурили солдаты Первой центурии Шестнадцатого Стойкого Флавиго Легиона. Мои солдаты.

Легионеры стояли, как изваяния, и смотрелись очень живописно на фоне светло-серого камня колонн в блестящих своих шлемах и панцирях, одетых поверх ярко-красных рубаш. Массивные щиты воинов были раскрашены в красно-жёлтые цвета, хорошо видимые издалека.

Я поднял взгляд. По правую руку от меня, немного выше уровня балкона, над площадкой, покрытой коврами, был натянут балдахин из красного шёлка. В центре площадки, окружённый знатью, восседал в высоком кресле сам Тит Флавий Веспасиан, император Рима. Он был явно доволен сегодняшним праздником. Отпивая вино из узкого высокого бокала, Тит что-то оживлённо рассказывал сидевшей рядом своей любовнице Беренике, правнучке Ирода Великого, царя Иудеи.

Получив несколько лет назад развод от законной второй жены, Фурнилле Марции, Тит привёз Беренику из Иерусалима, и поселил в своём дворце. Оформить брак с иудейкой при жизни отца, императора Веспасиана, Тит не решился. Да и сейчас, когда отца уже не было в списке живых, что-то, видимо, сдерживало его.

Меня император не замечал, несмотря на относительно небольшое расстояние. Но его спутница, словно почувствовав мой взгляд, слегка повернула голову в мою сторону, и будто метнула глазами две молнии, яркие и злые. Невидимые окружающим, меня они невольно заставили вздрогнуть. Береника же вновь обратила лицо к своему покровителю, с почтением внимая ему. Слова императора то и дело прерывались его же громким смехом.

Моё же настроение нельзя было назвать радостным.

Сегодня мне предстояло лишиться жизни, казнить человека, приговорённого к смерти. Нет, не человека даже, а жалкое его подобие. Растленного типа, насильника и убийцу, на руках которого была кровь невинных жертв. К тому же, как стало известно, тайного заговорщика, врага государства.

Но ни личность приговорённого, ни его грехи меня особо не интересовали. Почему я?! Вот вопрос, который вставал передо мной снова и снова. Но где я мог получить ответ?

Очень странный, необъяснимый приказ императора. Поручить руководство казнью Всаднику, примипилу, опытнейшему воину, не раз доказавшему в жестоких схватках с врагом преданность Риму,

и роду Флавиев. Спасшим, в своё время, от верной гибели нынешнего императора.

Тем более, что для подобных целей существовали соответствующие службы и люди.

Но, увы, приказы императора не обсуждаются.

К тому же я был обязан сначала разыскать преступника, скрывавшегося где-то в огромном городе. Опять же, почему я?!

Поиск, однако, не представлялся мне делом уж очень трудным.

Agentes in rebus. Центурия тайной службы, которой командовал аланский Всадник, мой друг и боевой товарищ по многочисленным сражениям, центурион Итаз.

Именно его люди, в конце концов, выследили и схватили преступника.

Мне было неизвестно, понимает ли он, зачем и по чьему приказу схвачен, для чего доставлен именно сюда, в амфитеатр, и какая участь его ожидает. Но для меня это не имело значения. Главное, что это знал я.

Я знал, что сегодня он умрёт. Очень, очень скоро. И я знал, как это произойдёт. Ибо способ казни был выбран без моего участия.

Смерть должна быть публичной и ужасной. Его отдавали на съедение львам.

Подходил к концу перерыв между зрелищами. Следующим и должна была стать травля хищниками.

В нижнем ярусе, в секторе напротив ложи императора беззвучно раздвинулись створки решётчатых ворот, через которые на арену потянулась скорбная колонна. Шеренгой, один за другим шагали по пес-

ку, с трудом волоча ноги, приговорённые к смерти. С двух сторон каждого из них сопровождали по легионеру. Их тренированные тела, блестящие доспехи и красные плащи резко контрастировали с измученными, одетыми в грязное рубище осуждёнными.

Их, всего двенадцать человек, вывели в центр арены, развернули лицом к императорской ложе и поставили на колени. За спиной каждого стоял легионер, держа руку на рукояти короткого меча.

Взоры всех присутствующих устремились к ложе Тита Флавия, в ожидании решения императора. Даже осужденные подняли головы и с надеждой смотрели вверх, ибо Тит, не лишённый тяги к театральности, порой миловал прилюдно кого-либо из приговорённых.

Сейчас же, продолжая беседовать с подругой, он небрежно, как бы между делом, отвёл в сторону руку, немного подержал её на весу, отставил в сторону большой палец и резко опустил его вниз. Что означало – смерть. Для всех.

И, как обычно, жаждущие кровавых зрелищ зрители одобрительно загудели.

Легионеры покинули арену, оставив осуждённых одних. Все зрители, включая самого императора, солдаты и обслуга цирка теперь смотрели на меня.

А я внимательно смотрел на арену.

В одной из тёмных ниш между колоннами первого яруса послышался львиный рык. Через мгновение жуткие эти звуки, от которых стыла кровь, исходили уже и из-под соседних арок.

Я достал белый платок, чтобы подать сигнал. Тот самый сигнал.

Именно в этот момент, я уверен, мой «подопечный», понял всё!!! Я увидел будто вблизи застывшее от страха лицо с моргающими глазами, в которых чернели расширенные зрачки, гримасу, напоминавшую безумную улыбку, разглядел бусинки пота на лбу, почувствовал исходящий от его тела и одежды мерзкий запах. А на песке вокруг колен расплывалось тёмное пятно влаги.

Сомнений больше не было. Не было переживания. И не было никакого чувства жалости.

Я крепко сжал платок, поднял руку, выдохнул воздух и...

И время остановилось, но всего на мгновение. А затем стало как бы раскручиваться назад. Исчез куда-то многоголосый шум римской публики, ожидающей кровавого, но захватывающего зрелища, да и сам амфитеатр Флавиев остался где-то вне пространства моего присутствия, моих ощущений.

А город, который сейчас лежал передо мной, не был Римом. Его нельзя было перепутать ни с каким другим. Не похожий ни на один город в мире, он, оставшийся в моей памяти навсегда, назывался – Иерусалим.

Древний, выстроенный из белого известняка, обладавшего свойством накапливать днём яркий солнечный свет, а ночами загадочно светиться, испуская его.

Шумный, многоязычный, весёлый, и одновременно опасный, насыщенный мистической энергетикой. Город, в запутанных неосвещённых улочках которого музыка, танцы, красивые и доступные

женщины причудливо уживались с отравленным вином и острыми кинжалами, спрятанными под одеждами таинственных и безжалостных убийц. Город, где ортодоксальная религиозность повсеместно соседствовала с распутством.

Никто не мог точно назвать возраст этого древнего города и рассказать его историю. Для иудеев было важно, что царь Ирод Великий вернул его, отвоевав с помощью римлян у парфян в 716-м году по римскому летоисчислению. И именно Ирод восстановил и значительно расширил святыню – Второй Иерусалимский Храм. И это было главным! Да и сам город достиг величия, превратившись в торговый и финансовый центр. В историю Ирод вошёл ещё и как правитель, спасший свой народ от голода, ибо в год страшного неурожая закупал на свои средства зерно и раздавал людям. При нём велось активное строительство зданий, крепостей, дорог.

Жестокое, но гибкое правление царя обеспечивало определённую стабильность в самой Иудее, и одновременно, Ирод Великий поддерживал неплохие отношения с Римом.

Ситуация стала постепенно меняться после ухода царя из жизни в 749-м году.

Наследники царя не были столь мудрыми и жёсткими, как он. И медленно, от десятилетия к десятилетию Иудея и город Иерусалим скатывались к междоусобным распрям и кровавому хаосу.

И тогда стоял весенний месяц *Maïus*. Только в отличие от тёплой, но мягкой римской весны, здесь, в Иудее, безжалостное солнце буквально плавило своими лучами металл и скальную породу окружа-

ющих город холмов. Изматывали и частые, возникающие неожиданно, песчаные бури.

В общем, не могу назвать лёгким переход нашего легиона из Сирии к стенам Иерусалима. Долгий и мучительный – будет правильнее сказать.

Итак, 817-й год. Мне – двадцать восемь. К тому времени я успел повоевать в Британии и Дакии, трижды был ранен, отмечен наградами. Уже два года, как командовал смешанной манипулой XII-го Молниеносного легиона, имея в подчинении две пехотные центурии и четыре конные турмы, всего 300 отважных, опытных и проверенных воинов.

Сюда, в Иудею, нас переводили по просьбе нового Прокуратора – Гессия Флора. Он опасался беспорядков. К тому же было пора сменить римский гарнизон. А ещё по настоянию Гессия Флора Император Нерон поручил временное командование нашим легионом Юлию Тиберию Александру, бывшему Прокуратору Иудеи. Видимо, Гессий понимал, что стоит попробовать договориться обо всём мирно, а вести переговоры самостоятельно не умел. Здесь как раз и должен был пригодиться опыт и авторитет Тиберия.

Разместились мы в казармах военного поселения, выстроенного много лет назад за пределами городских стен Иерусалима, недалеко от Яффских ворот.

Даже снаружи город производил впечатление. Окружённый тремя рядами мощных крепостных стен с несколькими десятками башен, он выглядел неприступным. Не терпелось попасть внутрь, но, увы, времени на ознакомительную «вылазку» пока

не было. Не было его даже на отдых после утомительного перехода, ибо через три дня ожидался приезд самого Прокуратора.

Гессий Флор, как говорили, был человеком придирчивым, жестоким, скорым на расправу. Да и назначение его и визит в Иерусалим пришлись не на самые спокойные времена. Потому он не задержался в своей резиденции в Кесарии, а направился прямо в столицу Иудеи.

Так что подготовка к встрече Прокуратора должна была быть продумана до малейших деталей и организована на высочайшем уровне.

Тиберий отправил гонца к правителю Иудеи Агриппе Второму с просьбой о встрече на следующий день, и тут же собрал командиров манипул, где определил задачи каждому. Мне выпало сопровождать, с двумя турмами конницы, самого Тиберия во дворец правителя, и заодно, проведя разведку территории, продумать маршруты перемещения Прокуратора по городу, и систему безопасности.

Утром, к назначенному времени из лагеря к городу выдвинулась внушительная воинская колонна. Шестьдесят конников, по сути, элита легиона, в сверкающих панцирях и шлемах, на отдохнувших, свежих лошадях в парадной сбруе, конечно, производили впечатление, привлекая внимание, собрав толпы горожан. Впереди колонны, в парадных доспехах гарцевал сам Тиберий, Всадник-легат, командующий легионом римских войск.

Путь к дворцу я уже изучил по карте, он находился совсем недалеко, за Яффскими воротами,

почти у внутренних крепостных стен, поэтому проблемой с движением конвоя не было.

Агриппа принял римского посланника в тронном зале, в присутствии свиты, с почестями, соответствовавшими статусу высокого гостя.

Встреча была, по сути дела, протокольной, подготовительной, но, одновременно, очень важной, ибо предстояло обсудить все нюансы будущих переговоров с Прокуратором, выработать основу взаимоотношений Иудеи с метрополией, приемлемых для всех сторон, и, наконец, саму программу пребывания Гессия Флора в Иерусалиме.

Находясь, согласно правилам, за спиной Тиберия, сидящего в кресле, я обратил внимание, что в зале стояли два трона. Мне было известно, что сестра Агриппы, Береника, являлась формальной соправительницей Иудеи, ещё я знал, что когда-то она была замужем за братом Тиберия, но он давно умер. Сегодня, по неизвестной мне причине, второй трон был пуст.

После переговоров Агриппа пригласил гостей на обед. В отличие от римских традиций трапезничать полулёжа, в соседнем помещении, стены которого были украшены впечатляющей настенной живописью, был накрыт стол, ломившийся от изысканных яств. Местные сорта вин, подаваемых к еде, также оказались выше любых похвал.

Тиберий был очень доволен, он явно считал день удачным. Я же не мог позволить себе расслабиться. Сопроводив командующего в лагерь, я с небольшой группой всадников, сменивших парадные доспехи на повседневную форму, частично скрытую под лёгки-

ми плащами, отправился изучать город. Вернулись мы поздно вечером, обогащённые приличным объёмом знаний, необходимых для выработки мер по возможной защите прокуратора при посещении им города. Их предстояло ещё уточнить, конкретизировать детально, и завтра представить на утверждение Тиберию!

Прокуратор Иудеи Гессий Флор прибыл в Иерусалим, как и планировалось, на третий день, ранним утром. Очевидно, имея прекрасных проводников, Прокуратор, сопровождаемый небольшой свитой, и всего сотней отборных всадников, использовал ночные переходы, дабы защититься от изнуряющего дневного зноя.

Наш XII-й Молниеносный легион, а вернее, его пешие манипулы, был выстроен на плацу лагеря в форме каре. Конные же турмы, получив известие о приближении колонны Прокуратора, выступили, в парадных доспехах, под командованием Тиберия, навстречу.

Зная о подозрительности и осторожности Прокуратора, Тиберий предположил, что тот не примет приглашения Агриппы остановиться в его дворце в качестве личного гостя. Посему преториум, или временная резиденция Гессия Флора, был обустроен на территории лагеря, в самом внушительном и удобном, во всех смыслах, здании.

Следующий день, день первой встречи нового римского Прокуратора Иудеи с её правителями должен был стать знаковым, скорее даже решающим для дальнейшей судьбы провинции. Она, эта судьба, напрямую зависела от результатов самой встречи,

их успеха либо провала. Чувствовалось, что Гессия Флора беспокоит, нервирует неопределённость, мешавшая, судя по всему, выработать единственно правильную линию поведения и сформировать реальный и справедливый пакет условий, приемлемый и для другой стороны. Потому он несколько раз приглашал Тиберия в преториум и подолгу советовался с тем.

Знал бы я, что ждёт лично меня завтра, какой неожиданный поворот судьбы готовят Небеса?

Визит в столицу провинции самого Прокуратора предполагал более пышный ритуал встречи, нежели прошлый раз.

Задолго до выезда процессии, в город выдвинулись двадцать из тридцати пеших манипул легиона. Три тысячи римских legionеров, в парадных доспехах, выстроившись вдоль пути следования высокого гостя, с обеих сторон дороги, выглядели торжественно, внушительно, и очень живописно!

Агриппа объявил день приезда Гессия Флора – праздничным! И горожане, осведомлённые о прибытии Прокуратора, высыпали на улицы Иерусалима. В руках у женщин были букеты цветов, многие лица светились улыбками, хотя попадались и весьма угрюмые. И именно наличие в толпе подобных, явно недовольных людей, вызывало тревогу и волнение.

Но в целом, живописное, красочное зрелище соответствовало ощущению праздника, вселяя надежду на грядущие добрые перемены в жизни.

Внешне всё радовало глаз: ярко-красные плащи legionеров, позолоченные доспехи, сверкающие под ярким солнцем, раскрашенные щиты, и нарядные,

цветные одежды жителей Иерусалима. А вокруг, словно естественные декорации античного театра – постройки из белоснежного известняка, крепостные башни, дворцы.

Агриппа, в свою очередь, тщательно подготовился к встрече! Ему очень хотелось произвести впечатление на гостя. Выказывая высочайшее почтение своим вниманием и гостеприимством, правитель рассчитывал, возможно, задобрить того, сделать более мягким, и, в конечном итоге, сговорчивым!

Во внутреннем дворе резиденции в торжественном карауле стояли солдаты личной гвардии правителя в не менее впечатляющей, чем у римлян, яркой, немного экзотичной форме с римскими штандартами в руках. (И, как выяснилось, без боевого оружия, с муляжами мечей). Белые каменные плиты, которыми был выложен двор, оказались сплошь усыпанными лепестками роз.

За безопасность Прокуратора отвечал наш легион, единственный в Иерусалиме, и лично Тиберий. Но если употреблять фразу – отвечал головой – то касалась она скорее не Тиберия – патриция, Всадника, прославленного полководца, друга Тита Флавия. Его голова, скорее всего уцелела бы при любом развитии ситуации, а вот мы, командиры манипул и центурий легиона, ответили бы по всей строгости. Тем более, что в свои заместители из тридцати командиров манипул Тиберий выбрал двоих, баска Эредию и меня. О неблагоприятном исходе визита Прокуратора, правда, не хотелось думать, но и не думать было нельзя.

Гессий Флор, почитатель, как оказалось, ещё и театральных эффектов, потребовал колесницу для въезда в Иерусалим! Дело в том, что практически в каждом гарнизоне хранились бывшие боевые колесницы. Бывшие потому, что уже несколько десятилетий их перестали применять в сражениях, а использовали, в основном, в ритуальных, зрелищных целях. Для реконструкции сцен былых битв, гонок на ипподромах, красочных военных парадов.

Колесницу срочно подготовили: отмыли, отчистили, заменили детали из кожи, освежили краску, отполировали покрытые тонким слоем золота металлические части. Смазали колёса, и облачили в парадные попоны четвёрку лучших лошадей!

Так что зрелище въезда в столицу нового Прокуратора оказалось действительно впечатляющим. По крайней мере я запомнил его на всю оставшуюся жизнь! Представьте себе такую картину: – яркое солнечное утро, глубокое синее небо, редкие светло-серые, будто нарисованные неведомым художником облака, легко и грациозно плывущие над белым городом, его дворцами и храмами. Улицы, заполненные толпами горожан в разноцветных одеяниях, море цветов, золотые блики от панцирей и шлемов римских легионеров, образующих коридор, ведущий через городские ворота ко дворцу царя.

Внутри коридора – две группы всадников в таких же сверкающих доспехах, движущихся по направлению к городу на великолепных скакунах, а между ними, в центре – огромная колесница, запряжённая четвёркой лошадей, обтянутая красной кожей, украшенная объёмными золотыми эмблемами.

И в ней сам Гессий Флор, Прокуратор Иудеи, в белоснежной тоге, в ярко-красной, развевающейся на ветру, накидке! Картина, достойная кисти лучшего живописца!

Тиберий и я со своими конниками входили в головную группу сопровождения, так что к дворцу Агриппы мы подъехали первыми.

Агриппа встречал гостя во дворе, у ступеней, ведущих во дворец, в парадном одеянии, с короной на голове. Рядом с ним, тоже в короне, стояла молодая женщина, нет, не женщина, а скорее, юная девушка! Сказать, что она была красива, значит не сказать ничего! О небеса, никогда в жизни не встречал я таких красивых женщин! Броская, вызывающая красота, не подпадающая ни под какие стандарты! Матовая кожа, чёрные локоны с синеватым отливом, струившиеся волнами из-под золотой короны на округлые плечи, тонкая талия, изящные, будто из-под рук скульптора, плавные линии бёдер, которые не могло скрыть шёлковое платье свободного покроя. Немного полноватые, но оттого ещё более манящие руки, открытые до локтя, чувственные, слегка пухлые губы...

Я не мог оторвать взгляда от незнакомки. Видимо, почувствовав его, девушка, не поворачивая головы, посмотрела мне прямо в глаза. Всего на секунду, но этого оказалось достаточно, чтобы я потерял голову! Сразу, окончательно и бесповоротно!

Теперь отошли на второй план все её прелести, которые я только что с таким восторгом беззвучно перечислял. Ибо ничего остальное ни шло в сравнение с её глазами. Я, задыхаясь от неожиданного

волнения, безнадежно пытался описать их, но не мог найти подходящие слова.

Но кто она?! Носить царскую корону имела право только одна женщина в Иудее – сестра Агриппы Второго, его соправительница Береника. Царицу я никогда, естественно, не видел, но мне был известен её возраст. Сестра Агриппы была минимум лет на десять старше меня, так что та девушка, которая стояла сейчас рядом с царём, не могла быть Береникой! Я путался в догадках, но ничего внятного, увы, не приходило в голову.

Сошедший с колесницы Прокуратор невольно разрешил мои сомнения. Ибо ему предстояло выслушать приветствие от народа Иудеи, а огласили его соправители провинции. Каждый свою часть в отдельности.

Так что девушка, чей взгляд так взволновал меня, действительно оказалась царицей Береникой! Этот факт явился толчком второй волны моего волнения, ведь напрашивался вроде бы простой, но важный вопрос: – как же сорокалетняя женщина умудрилась, практически без косметики на лице, выглядеть столь юной?!

Протокол первого дня был согласован заранее, он предполагал только торжественный приём в честь высокого гостя, и никакого официоза. Переговоры были перенесены на следующий день.

Пир, организованный Агриппой и его сестрой, заслуживал самой высокой похвалы. Небольшая свита Гессия Флора состояла из командующего легионом Юлия Тиберия и двух заместителей командующего, Эредии и меня.

Залы дворца, и так отличавшиеся изысканным декором, были заставлены напольными вазами с радующими глаз художественными композициями из живых цветов. Каменные полы сплошь устланы яркими коврами из тончайшей шерсти, привезёнными, скорее всего, из Сирии.

Для застолья на этот раз был избран традиционный римский стиль. Гости и хозяева устроились на специальных низких лежанках с удобными подушками вокруг декоративного фонтана. Заправленные маслом керамические светильники создавали зыбкий, немного загадочный уютный полумрак, в специальных чашах курились благовония, в сложном букете ароматов которых угадывались ладан и каннабис. Еду и напитки разносили, бесшумно передвигаясь между гостями, молодые, прекрасно сложенные рабыни в полупрозрачных одеяниях.

По поведению и выражению лица Прокуратора было трудно определить, доволен ли он приёмом, и как, в целом, настроен. Угощение, кажется, ему понравилось, молодых рабынь он провожал плотоядными взглядами, да и улыбался иногда сопровителям, особенно Беренике, поддерживая с ними разговор.

Так сложилось, что я оказался вблизи от царицы, нас разделял лишь Тиберий, а поскольку гости расположились полукругом у фонтана, Береника была очень хорошо видна мне. А если говорить точно, это я был прекрасно виден ей! Ибо именно она постоянно смотрела на меня. А когда её взгляд встречался с моим, порой возникало чувство, что в глубине чёрных, как уголь, зрачков царицы вспыхивает жёлтый

огонь, как в глазах пантеры или пумы, и тогда казалось, что две жёлтые молнии пронизывают меня, проникая куда-то внутрь меня, в сердце и душу.

И снова я испытывал величайшее волнение. Я чувствовал себя беззащитным, потерявшим силу воли юнцом, а не взрослым, опытным воином. Было что-то колдовское в необычной этой, загадочной женщине, подавляющее мою волю. К тому же выпитое вино и дымок каннабиса усугубляли волнительное состояние моей души, делая её покорной, лишая возможности противиться мистическим чарам Береники.

Было далеко за полночь, когда Гессий Флор наконец пресытился застольем, устал от общения, и откровенно зевая, показал Агриппе знаками, что пора бы закругляться.

Для отдыха Прокуратору была выделена часть помещений на втором этаже, куда, провожая его, направились Агриппа, его сестра и Тиберий. Я же, радуясь возможности хоть на время избавиться от настойчивых взглядов царицы, занялся, вместе с Эредией, организацией охраны Прокуратора.

Снаружи во дворец не проникла бы и мышь, столь плотным кольцом окружали его наши легионеры, во внутренние же покои мы отправили двенадцать воинов. Не думаю, что Гессию Флору что-либо угрожало во дворце, но правила безопасности оставались правилами, им необходимо было следовать. Пообещав сменить Эредию утром, я, совершенно обессиленный и внутренне опустошённый, отправился спать в лагерь.

Я искренне надеялся, что остаток ночи вкупе со сном рассеют, унесут мои беспокойные мысли, погасят душевное волнение, и всё вернётся на круги своя.

Как выяснилось, задобрить Прокуратора не удалось. Гессий Флор был груб, держался высокомерно, стучал кулаком по столу, постоянно переходя в разговоре на крик. Переговоры, которые вёл с ним Агриппа, по сути дела переговорами не являлись, скорее, царю Иудеи пришлось выслушивать ультиматум, жёсткий и неразумный. Ультиматум, принять который, а тем более выполнить, было совершенно нереально! Проблема состояла в огромной сумме платежей Риму, которую требовал Прокуратор!

Агриппа довольно робко пытался объяснить, что таких денег просто негде взять, просил отсрочки хотя бы на год, дабы навести порядок в беспокойных регионах провинции, на что тоже требовались средства.

И тогда Гессий Флор произнёс фразу, которая, как оказалось, предопределила, в недалёком будущем, трагическое развитие событий в Иудее. Он сказал: – Нет денег в казне, возьмите в Храме! Там несметные богатства. Или я возьму их сам, силой, но тогда я разрушу Храм! Даю вам три месяца!

На следующий день Прокуратор отбыл со своим отрядом в резиденцию в Кесарии.

Вечером того же дня дежурный командир центурии доложил, что ко мне прибыл гонец из дворца Агриппы. С какой миссией, почему ко мне, через голову Тиберия?! Я, конечно, предположил, кому именно я мог понадобиться, что и подтвердил по-

сланник: – он выполнял приказ царицы. Соправительница настоятельно и срочно просила меня прийти во дворец.

Тиберий был удивлён, но приказал мне ехать. Накинув поверх доспехов тёмный плащ, без шлема, чтобы не привлекать излишнего внимания, я прибыл во дворец. Встретивший у входа начальник царской гвардии провёл меня в покои царицы, предложил сесть, попросил подождать, и вышел, плотно притворив дверь.

В комнате никого не было. Я снял накидку, удобно устроился в одном из мягких кресел, и огляделся.

Убранство достаточно большого зала выдавало, что это женская половина дворца. Утончённый орнамент декора, большое количество шёлковых штор, драпировок, миниатюрная изысканная мебель из экзотических сортов деревьев, искусно расшитые подушки... Стены украшали прекрасно выполненные фрески с изображением откровенных любовных сцен. Отблески дрожащего пламени светильников и здесь создавали уютный волнующий полумрак, а в воздухе витали ароматы курившихся благовоний.

Бесшумно отворилась дверь, две рабыни молча внесли и поставили на низкий столик перед моим креслом серебряные подносы с фруктами и вином, и так же беззвучно удалились.

Я налил себе вина из кувшина. Это было местное вино, густое, ароматное, но слишком сладкое и крепкое. От нескольких глотков по телу разлилось тепло, стала понемногу отступать тревога, которая почему-то шевелилась внутри меня, хотя я и пытался держать себя в руках.

Я знал, кого я жду, но не мог пока представить, чего жду. Воспоминания же о приёме в честь Прокуратора, о неразгаданных до конца взглядах царицы снова взволновали меня, раскачивая эмоции от невольного страха перед неизвестностью до животной страсти, когда внутри тела и сознания разгорается пожар, который почти невозможно погасить, когда плоть становится неуправляемой, доминирующей во всех поступках.

Так что, пытаясь разобраться в происходящем внутри меня, я упустил момент, когда в зал вошла та, которая и являлась причиной моего смятения.

Береника медленно приближалась ко мне в ореоле загадочного сияния, будто паря над ковром, устилающем пол. С глазами, горящими жёлтым огнём, с улыбкой на прекрасном лице. И это не было привычной, нежной или страстной улыбкой женщины в момент любовного свидания. Нет, это была улыбка триумфатора, не женщины, но царицы, заполучившей в собственность раба, женщины, уверенной, что её желания, или капризы сбываются, причём всегда, и именно так, как хочется ей!

Короткая туника, «стола», из совершенно прозрачной ткани, не могла скрыть великолепие тела царицы, будто вылепленного руками талантливого скульптора, слегка полноватого, стройного, с идеальными линиями талии и бёдер, с крепкой, небольшой девичьей грудью. И ещё этот манящий тёмный треугольник внизу живота...

Эта женщина свела бы с ума любого! Любое возможное сопротивление её натиску было обречено на провал.

И ведь я не был желторотым прыщавым юнцом, девственником, подглядывающим за купающимися в море или озере женщинами, знающим о любви из рассказов более старших своих друзей, мечтающим о чём-то ещё неизведанном и желанном, и потому истекающим по ночам семенем от неясных картинок во сне.

К своим неполным тридцати годам, будучи к тому же неженатым, я познал огромное количество женщин. Ведь в любом захолустье империи, не говоря о больших городах, можно обнаружить самые различные заведения, призванные скрасить жизнь «озабоченных» мужчин: – дома свиданий, термы с девушками и мальчиками «под заказ», массажные «гостиные», где предлагаются самые-самые фантастические плотские приключения, на любой вкус, в зависимости от интересов гостей и количества золотых или серебряных монет – ауреусов, денариев и систерций – в их кошельках. Конечно, и мне приходилось эти заведения посещать, и нередко, надо сказать. И не нужно забывать, что хорошо сложенный, физически сильный молодой легионер представлял особый интерес для избалованных жизнью пресыщенных патрицианок.

Так что «техническая» подготовленность вкупе с мощной внутренней энергетикой и физической силой, как правило, гарантировала мне полный успех в любовных ристалищах. Только обычно, при встречах с женщинами, ход событий определялся мною.

Но, видимо, не сейчас, ибо я, как воробей, обездвиженный гипнотическим взглядом змеи, а вернее, большой красивой хищной кошки, будто расплавил-

ся в жёлтом пламени её глаз, растворив в нём свою волю и разум.

Когда-то, ещё на родине, в Апсилии, мальчишкой меня наняли помогать по хозяйству в небольшой римский гарнизон, стоявший вблизи тогдашней Диоскуриады. Я был смышлён, хорошо развит физически, владел основами джигитовки, и проявлял интерес к военному делу. Вечерами свободные от службы legionarii показывали мне приёмы владения мечом, копьём, или дротиком, приучали к тяжёлым римским доспехам. А заодно любознательный подросток впитывал в себя латынь.

Успехи были настолько значимыми, что примерно через полтора года командир гарнизона предложил моим родителям отправить меня на учёбу в метрополию. Посоветовавшись со старейшинами рода, отец дал согласие.

На корабле я, вместе с ещё восемнадцатью юношами приплыл в Византий, город «двух морей», как его называли. Здесь, в восточной части Римской империи, находилась одна из лучших военных школ. Собственно, это было учебное заведение, где помимо военных дисциплин слушателей обучали, как в элитных «Риторических школах»: ораторскому искусству, греческой и римской литературе, математике, геометрии, праву.

Ну и, конечно, нас до изнеможения муштровали основные наши наставники. Учебным плацем заведовал *campidoctor*. Боевому фехтованию обучал *doctor armorum*, верховой езде – *exercitator*. Кроме занятий в школе, на плацу, нас выводили на регулярные марши и учения на природе, в полевых условиях.

Программа обучения будущих воинов великой империи, как выяснилось, включала в себя такой экзотический предмет, как искусство любви. Раз в месяц молодых школяров возили в самый «злачный» район, у городского рынка, где в домах свиданий специально подготовленные рабыни делились с нами, подростками, премудростями древней своей профессии, обучая методам обольщения, способам и технике любви.

Это вызвало на первых порах сильнейший шок у нас, выходцев с Кавказа, ибо на родине нас воспитывали в соответствии со строгими нормами кодекса поведения, в котором порядочность, справедливость, мужество и высокая нравственность являлись доминирующими.

Но в метрополии, увы, всё было по-другому, здесь руководствовались иными принципами морали, встроенными в привычную систему воспитания, подготовки будущего гражданина Рима к жизни, а скорее, выживанию в реальных условиях. Так и выпустили нас из военной школы, полностью готовых к самостоятельной жизни, с десятью серебряными денариями в кошелье, холщовым мешочком, в котором по традиции лежали несколько луковиц, и направлением в один из многочисленных римских гарнизонов.

Так что, если позабыть об ускоренных «курсах» обучения технике любви тогда, в юности, то сегодня, в покоях царицы, впервые за всю мою сознательную взрослую жизнь, мною, говоря образно, овладела женщина. Уверенно, агрессивно, с таким напором, противиться которому не было никаких шансов.

О цели нашей встречи изначально догадаться было совсем несложно, но я, честно говоря, представлял себе любовное свидание с красавицей Береникой немного по-иному. Мне хотелось видеть его красивым, романтичным, более чувственным, наконец. Полноценным праздником любви для двоих! Немного загадочным, как и обстановка вокруг нас, в покоях царицы. Но, увы!

Что это было?! Тайфун, ураган, или другой подобный природный катаклизм?! Например – смерч! Сравнение подходит. Всё произошло стремительно! Единственное, что мне удалось запомнить, так это вкус поцелуев, а правильнее – вкус губ царицы, непохожий ни что в мире, немного ягодный, немного медовый, пьянящий, терпкий как вино! И кожа Береники, матовая, упругая, с едва заметным жемчужным отливом, как будто светящаяся в полумраке, источала непривычную, сложную смесь ароматов: Что-то от восточных пряностей, луговых трав и пчелиных сот.

Мы как бы оказались в эпицентре того самого смерча, смешавшего желание со страстью, вознёсшего два сплетённых тела высоко-высоко, к сияющим вершинам блаженства, откуда они, через некоторое время, обессиленные, рухнули вниз.

Такой мощный энергетический и эмоциональный взрыв должен был истощить каждого из нас. Тело и душа нуждались во времени на осмысление того, что произошло, а главное, как именно всё случилось, и в передышке, чтобы восстановить силы.

Я поднял глаза. Береника полулежала, откинувшись на подушки, напротив, и внимательно глядела на меня. О, Небеса! В её темных зрачках снова раз-

горалось уже знакомое мне жёлтое пламя. В них не было и намёка на нежность, не было и страсти, а только всепожирающий огонь безумного желания!

И лишь когда сквозь неплотно задёрнутые шторы в комнату стал проникать свет нового дня, я взмолился, пытаясь остановить эту ненасытную фурию! Я должен был принять участие в утреннем построении на плацу лагеря, иначе меня ждали серьёзные неприятности.

Законы римского военного права были жёсткими, а учитывая реальную ситуацию, невыход без уважительной причины на смотр мог быть признан изменой. Преступника в таком случае передавали для суда в совет трибунов, либо судьбу его решал легат легиона, командующий, или префект, второе лицо по старшинству.

К построению я успел, но заработал осуждающий взгляд командующего. Позже, вызвав к себе, Тиберий освободил меня от дежурства по лагерю, и отправил, в приказном порядке спать! Вопросов мне он не задавал, только посоветовал быть внимательным и осторожным. Добавив при этом, что по договорённости с Императором, его в ближайшее время должны заменить. Он, в принципе, догадывался о новом назначении, и официально объявил, что я нужен ему, и, следовательно, мы отбудем вместе.

Меня он знал много лет, мне довелось не раз сражаться с врагами под его руководством, к тому же командующий был старше, опытнее и мудрее, относился ко мне немного по-отечески, но главное, я думаю, Тиберий Александр, бывший в своё время Прокуратором Иудеи и родственником Береники,

знал гораздо больше, чем мог знать я, прекрасно понимал, что происходит, и пытался обезопасить меня.

Отпуская, царица, тоном, не терпящим возражений, объявила, что снова ждёт меня во дворце через два дня, вечером. Ждал и я!

Чувства восторга от ожидания новой встречи сменялись чувствами страха и тревоги, когда я вспоминал светящиеся глаза Береники, колдовской взгляд, проникающий в меня, и делающий меня беспомощным. Я мечтал о горячих, изысканных ласках, и нежных словах, обычно произносимых шёпотом, которые так и не услышал в первую ночь. Поражался опытности, изобретательности и неуёмности новой своей любовницы. Пытался представить, как возьму инициативу в свои руки...

Но главное, мне предстояло объявить царице о скором переводе из иерусалимского гарнизона. И, возможно, именно это могло стать самой-самой сложной задачей!

Так и оказалось. У меня не хватило мужества поделиться новостью сразу, и лишь утром, после очередной безумной ночи, я, собрав волю в кулак, и стараясь не глядеть в глаза Береники, произнёс, как мне казалось, торжественно, но с оттенком грусти:

– Царица, любовь моя, к сожалению, Небеса вмешиваются в наши судьбы, вчера меня уведомили о скором переводе из Иерусалима. Точно неизвестно, когда это произойдёт, но вопрос решён! Царица моя, ты позволишь мне видеть тебя, любить тебя, быть рядом, пока не наступит печальный день моего отъезда?

Тут я заставил себя посмотреть на лежащую рядом обнажённую Беренику. Наши взгляды встретились. Конечно, я предвидел негодование царицы, её искреннее либо изображённое переживание...

Возникла пауза. И в полной тишине я ощутил, как по моей коже, по всему телу будто забегали мурашки, а вернее, поползли отвратительные, невидимые для глаз существа: скорпионы, пауки, змеи. Да и в чёрных зрачках царицы что-то происходило, какое-то движение, напоминающее распутывающийся клубок мелких гадов.

– Ты придумал это сам? Или, может, тебе подсказал идею кто-то более зрелый, более умный? – Странно, губы Береники были плотно сжаты, но я четко слышал каждое её слово. – Знай же! В этой жизни решения принимаю я! Все! И только я! Ты же захотел поступить по-своему, наперекор мне. Ты даже не набрался смелости сказать правду, а правда в том, что ты – мальчишка, юнец, ты ещё не мужчина, имеющий право на такую женщину, как я! И ты испугался, что естественно! Решил избавиться от меня, озвучив выдумку, первое, что пришло в голову, пытаясь убедить меня, что эти планы начертаны не тобой. Ну так вот! – Царица властно вскинула руку, как бы предупреждая любую мою попытку объясниться. – Ты недостойн меня! И ты – свободен. А судьба твоя в моих руках. И я уже решила: – ты многого достигнешь, поднимешься до таких высот, о каких и не мечтаешь, но ведь и падать с высоты обычно больно. Не волнуйся, тебе не придётся лететь вниз. Просто в один прекрасный день, ты, довольный жизнью, будешь смеяться, кутить с лучшими друзьями,

строить планы на будущее. И именно в этот день ты умрёшь! А сейчас покинь дворец!

Ничего другого мне и не оставалось. Откровенно говоря, за пределами дворца, на улице я вздохнул с облегчением, но, одновременно, что-то явно продолжало беспокоить меня. Очевидно, я представлял себе совсем не такой исход встречи, и явно не собирался расставаться с Береникой врагами. А предсказание судьбы, я это знал точно, не было пустой угрозой. Меня угнетали слова, звучащие до сих пор в моих ушах, и, одновременно было очень обидно, что царица несправедливо обвинила меня, воина, во лжи. Я был смущён и огорчён одновременно.

Но стоило на миг прикрыть глаза, как наяву возникали сцены двух, проведённых вместе ночей, царица в моих объятиях, огонь страсти в её глазах... Снова кровь закипала в жилах, снова затягивал в воронку смерч исступления, безумства и блаженства...

Говорят – время лечит любые раны! Я продолжал нести службу в ожидании прибытия нового командующего. Вскоре на замену Тиберию прибыл Цериал Квинт Петтилий.

Формальности передачи легиона не были долгими, и через три дня небольшой отряд Тиберия, в который входил я, оставил Иерусалим.

В Риме Император Нерон встретил Тиберия с огромными почестями. На приёме во дворце, где было обнародовано назначение Тиберия Юлия Александра Префектом Египта в статусе проконсула, Императору был представлен и я, в качестве Советника Префекта, командующего центурией лич-

ной его гвардии. Что явилось для меня приятной, но неожиданностью.

Служба в Египте могла показаться спокойной, даже комфортной, но только на первый взгляд. Постоянные набеги воинственных племён на границы провинции не добавляли стабильности, к тому же явно обострялись отношения внутри Египта, между многочисленными греческими и еврейскими диаспорами, могущими вылиться в серьёзный вооружённый конфликт. Что и произошло, в конце концов.

Странно, но Тиберий, будучи евреем по происхождению, поддержал греков. И когда еврейская община восстала против римской власти, Тиберий, взяв на себя командование двумя легионами: Третьим Киренаикским, и Двадцать вторым легионом Дейотаров, жестоко подавил восстание, перебив около пятидесяти тысяч евреев.

К счастью, в обязанности моей центурии карательные действия не входили. Однако моей службой Префект был крайне доволен, ибо доверил мне, чуть позже, должность заместителя легата, то есть командующего Третьего Киренаикского легиона.

Ну вот – предсказания Иудейской царицы сбылись. Пока, во всяком случае. Карьера моя шла в гору. Саму Беренику я, конечно, не смог забыть, но время сглаживало воспоминания, делая их не такими реалистичными, эмоциональными и яркими, как раньше.

Картинки дальнейшей жизни пролетели в памяти, как один день. Хотя годы эти были насыщены самыми разными событиями: – порой радостными, порой драматичными и трагичными

В 819-м году, неожиданно, видимо, вспомнив былые свои угрозы, Прокуратор Иудеи Гессий Флор приказал ввести XII-й Молниеносный легион в Иерусалим, занять Храм, и изъять храмовые ценности. Иудеи встали на защиту Храма, тогда легионеры убили более трёх тысяч жителей Иерусалима, разграбили Храм, вывезли большое количество предметов, представлявших для иудеев огромную культовую, религиозную ценность.

Недовольство жителей Иерусалима быстро переросло в восстание, которое позже охватило всю провинцию.

Тиберий отправил в Иерусалим из Египта, на помощь Молниеносному легиону сборный отряд в тысячу пеших воинов под командованием Литерния Фронтоня, и двадцать турм конницы под моим началом. Город был в руках восставших, сформировавших Иудейское Временное Правительство. Судьбы Агриппы Второго и его сестры были неизвестны.

Сил легиона было явно недостаточно для штурма хорошо укрепленного города, да и приказ такой не поступал. Так что сражались мы с разрозненными отрядами Элеазара бен Анана в окрестностях города, и в других частях провинции, вплоть до Галилеи, где нам противостояли воины Иоанна Гисхальского.

Так продолжалось полтора года. За это время Император Нерон погасил несколько отвлекающих его силы конфликтов на окраинах империи, и двинул в Иудею огромное войско под командованием Веспасиана Флавия. Легатами, заместителями командующего, стали его сын Тит Флавий и Тиберий Александр.

Разорив Галилею, Веспасиан привёл свои легионы к Иерусалиму.

В Риме тем временем умер Император Нерон. Веспасиан же, являясь одним из претендентов на трон, отбыл в столицу империи, оставив во главе римского войска в Иудее своего сына Тита Флавия. Летом 823-го года Веспасиан стал Императором Рима.

Судя по всему, Тит Флавий пытался избежать кровопролития, не решаясь на штурм. При посредничестве учёного Иосифа Флавия, удалось договориться о встрече Тита с Симоном бар Гиорой, одним из лидеров повстанцев, который слыл человеком порядочным и разумным. Но в стане иудеев, не было, к сожалению, единства, и известие о встрече послужило для некоторых радикалов лишь поводом для начала своей игры.

Встреча была назначена в небольшом поселении в трёх римских милях к северу от Яффских ворот. Тит доверял устным гарантиям бар Гиоры, посему настоял на минимальном отряде сопровождения, возглавить который было доверено мне.

Вечером следующего дня Тит, в сопровождении Иосифа Флавия, меня и всего одной турмы всадников выступил в направлении Яффских ворот.

Проехав чуть больше половины пути наш отряд попал в засаду радикалов. Место было ими выбрано разумно, дорога в этом месте зажата между двух холмов, что резко ограничивало возможности конницы. К тому же тридцать моих конных легионеров оказались окружены примерно сотней прекрасно вооружённых пеших воинов.

Нам доводилось, однако, бывать и в более безнадёжных ситуациях, потому, единственное спонтанное решение могло стать только таким – дать бой, и прорываться.

Конечно, сражаться в таких условиях очень нелегко, но и легионеры, да и сам Тит бились так бесстрашно и искусно, что скоро нападавшие, частично рассеянные, частично напуганные, стали отступать. Мы потеряли несколько конников, был ранен Иосиф Флавий, но победа была уже на нашей стороне. И когда путь был почти расчищен, боковым зрением я увидел, вернее почувствовал копье, летящее в спину Титу Флавию.

В бою обострены все чувства, и тело чаще повинуется рефлекторным сигналам, нежели команде мозга. Как бы то ни было, всего одно резкое движение, и я закрыл своего Командующего собственным телом. Копьё попало мне в плечо, пробило доспехи, раздробив ключицу. Из раны хлынула кровь, я потерял сознание.

Наверное, мне повезло! А, может, просто не вышел ещё мой срок. Наш военный лекарь вытащил меня буквально с того света. А дальше был долгий путь к побережью, потом корабль в Сирию.

Выздоровление шло медленно, но шло. Иудейская война к тому времени закончилась долгой кровавой осадой и взятием Иерусалима. Тит, видимо не простивший измены, устроил в городе кровавую бойню, отдав его на разграбление легионерам. Но самое страшное – он приказал разрушить Храм, хотя ранее и он сам, и Тиберий были категорически против.

Затем Тит Флавий и Тиберий Александр триумфально вернулись в Рим, причём Тит Флавий – Императором.

Из Иудеи, помимо славы, Тит привёз, как выяснилось позже, только один личный трофей – царицу Беренику!

В Риме Тиберий получил, помимо всяческих наград и поощрений, должность Префекта Преторианской Гвардии, самой элитной, самой привилегированной части римского войска.

Спустя два месяца, достаточно окрепнув, я прибыл, по приказу Тиберия в Рим.

Тит Флавий, как оказалось, хорошо помнил тот ожесточённый бой у Яффских ворот Иерусалима.

Приём, оказанный мне во дворце, был пышным и торжественным. В присутствии патрициев, приближённых ко двору, сенаторов, известных, прославленных военачальников, Император объявил о введении меня в сословие Всадников с максимальными привилегиями, с правом ношения на шлеме родового знака, с набором наградных фалеров. Ещё я получал значительную сумму денег из бюджета, и небольшое имение в живописном месте, в сорока пяти римских милях от столицы.

А на следующий день Тиберий Александр предложил мне должность начальника Первой центурии Шестнадцатого Стойкого Флавиiego легиона, включённого в состав Преторианской Гвардии.

Со стороны моё назначение могло показаться понижением в должности, ведь ранее я был легатом легиона, а здесь всего лишь центурия! Но это только со стороны.

Структура Преторианской Гвардии отличалась от структуры обычных войск. Первая центурия являлась центурией личной охраны Императора, и состояла из трёхсот пеших воинов и ста пятидесяти конников, подчинявшихся лично Титу Флавию, хотя формальным префектом, командующим Гвардии, был Тиберий.

Центурионы, а, следовательно, и их командир, обладали широкими полномочиями и неограниченными правами. Пожалуй, даже большими, чем тайная служба, *Agentes in rebus*.

Такое предложение предполагало, помимо колоссальной ответственности, высочайшее доверие ко мне. Конечно, я с благодарностью принял его.

Император при каждой встрече, а они стали регулярными, одаривал меня дружескими улыбками, подчёркивая доброе своё отношение ко мне.

Но ни на территории дворца, в том числе в личных покоях, ни на публичных встречах, ни на различных торжествах, Береники рядом с Императором не было...

Непривычная тишина, воцарившаяся в амфитеатре, очевидно, вернула меня в реальность, преврав мои воспоминания.

Все зрители, включая Императора Тита Флавия внимательно смотрели на меня, вернее на мою правую руку с зажатым в ней белым платком.

Единственным человеком, не захваченным общим порывом, была она – бывшая царица Иудеи, бывшая моя любовница, красавица Береника. Она демонстративно смотрела в другую сторону, будто

её совершенно не касалось то, что должно было сейчас произойти.

Зрители хотели крови! Они жаждали кровавого зрелища!

Теперь я сделал глубокий вздох. И взмахнул платком!

Проходили дни, недели, месяцы! Служба забирала почти всё моё время. Хотя обстановка в стране была, в целом, спокойной и стабильной, безопасность Императора – дело весьма ответственное и щепетильное, ибо никуда не делась тяга римской знати к борьбе за власть, а значит к заговорам, переворотам, созданию тайных обществ.

Изредка мне удавалось выкраивать день-два. Я всерьёз занялся освоением подаренного мне имения, строительством дома, посадкой деревьев, обустройством территории.

Мой достаточно зрелый возраст диктовал создание семьи. С помощью своего покровителя Тиберия я посватался к дочери патриция из рода Сервилиев, и получил благословение родителей. Свадьбу мои друзья организовали на очень достойном уровне, но рассчитана она была на ограниченное количество гостей, ибо, пользуясь привилегиями сословия Всадников, я пригласил, в качестве почётного гостя, самого Императора.

Однако, к моему огорчению, Тит Флавий не пришёл. Позже, под влиянием выпитого вина – *in vino veritas* – Тиберий сообщил мне о странной реакции Императора на известие о моей женитьбе.

– Я полагал – слегка заплетающимся языком поведал мне Тиберий, – что император выразит своё одобрение хотя бы улыбкой! Но его лицо вдруг изказила неожиданная гримаса, будто он услышал нечто очень неприятное.

Да и сам я стал замечать, что Император словно избегает меня, а при редких наших встречах, улыбка моментально сходит с его лица.

Всё это выглядело странным и необъяснимым. Я терялся в догадках, но ничего понять или даже предположить не мог.

Как-то утром прибыл посольный от Тиберия. Префект предлагал мне явиться в полдень в его резиденцию. Прибыв на несколько минут раньше, я обнаружил в малой гостиной моего друга и земляка, алана Итаза, главу Центурии тайной службы, также вызванного на встречу.

Со слов Префекта, получено известие об антиправительственном заговоре на Сицилии. Известие очень встревожило Императора, он поручил направить на остров опытных, проверенных, ответственных преторианцев, и сам назвал имена – моё и Итаза.

Честно говоря, всё выглядело немного странно: во-первых, обстановка на острове уже много десятилетий выглядела более, чем спокойной. Конечно, иногда орудовали местные банды, порой многочисленные. Они грабили торговцев, зажиточных латифундистов, не брезговали и захватом небольших судов. Но чтобы выступить против римской власти – такого ни я, ни Итаз, да и сам Тиберий, никогда не слышали.

И, во-вторых, непонятно, чем диктовалась необходимость направить для расследования именно нас? Ведь для подобных миссий в Преторианской Гвардии служили специально подготовленные люди.

Но, как говорится, приказы не обсуждают!

Через двенадцать дней я, Итаз и шестеро преторианцев достигли городка Новары, где стоял небольшой римский гарнизон, один из немногих на Сицилии. Центурион, начальник гарнизона не был, как ни странно, удивлён нашему визиту. Дело в том, что ещё три дня назад из Рима прибыли четыре человека из obsługi императорского дворца: слуги, повар и виночерпий. Их прислали с простой целью – обеспечить бытовой комфорт столь высоким гостям на время нашего пребывания на острове.

Конечно, мне редко приходилось общаться с дворцовой прислугой, но и не знать их я не имел права по долгу службы, так что лица мужчин были мне знакомы. Одного – особенно.

Бывший раб, уроженец Крита, он уже многие годы служил у Флавиев, и пользовался, судя по всему, особым доверием. На глаза попадался редко, всегда опуская при случайной встрече взгляд. Был настолько немногословен, что его часто принимали за немого. Даже когда с ним разговаривал Император, а я был свидетелем такого разговора, отвечал односложно: – да или нет – не выказывая Титу необходимого почтения ни словами, ни позой.

Мы с Итазом переглянулись. Цепь странностей обрастала новыми звеньями, порождая кучу вопросов. Почему Тиберий не сказал нам об обслуживании? Может быть – не знал сам? Почему привлекли людей из

дворца Императора, а не кого-нибудь из персонала Гвардии? Странности, странности, странности!

Да и разговор с местным центурионом ничего не прояснил. Обстановка на острове действительно отличалась спокойствием. Мелкими преступлениями занимались местные власти, лишь изредка обращаясь за помощью к римлянам. Вот, к примеру, как рассказал центурион, недавно пришедшие бандиты ограбили и зарезали местного виноторговца. Староста попросил центуриона организовать погоню и поимку душегубов, ибо всадников под его началом не оказалось! Пяти конных легионеров хватило, чтобы догнать преступников, скрутить их, и доставить в Новару, где, по решению суда, их четвертовали за убийство человека.

Обсуждение темы заговора вообще вызвала у центуриона улыбку.

– Заговор против римской власти? Здесь, на острове? Вы что, серьёзно? Единственное, что можно полусхитрить притянуть за уши, так это выкрики пьяного новарского кузнеца: – «Долой римскую власть»! Он часто употребляет эту фразу. Дело в том, что кузнец – бывший моряк, когда-то, давно, женившийся, будучи нетрезвым, на сварливой, злой карге. Так вот она, его жена – уроженка Рима, и именно её «власть» он пытается периодически свергать, приняв для смелости пару фляг вина!

Ужин был накрыт в шатре в уютном уголке территории гарнизона. Присланная из Рима обслуга оказалась на высоте. Низкие столики были заставлены разнокалиберными блюдами, ароматы хорошо приготовленной пищи витали в воздухе, «подогре-

вая» аппетит. За вином, как выяснилось, к виноторговцам лично ездил молчун-критянин, оказавшийся виночерпием.

Многое в сложившейся ситуации настораживало нас, одни вопросы порождали другие, так же, как и первые, остававшиеся без ответа. Мы с Итазом решили дать небольшую передышку мозгам, слегка расслабиться, дабы завтра, прямо с утра приступить к расследованию.

Пока же мы, полулёжа, наслаждались видом открытых буйной растительностью окрестных холмов, изысканными блюдами, и прекрасным местным вином. Сицилийские вина славились и в Риме, но туда их поставляли в кондиции, требующей смешивания с водой. Здесь же необходимость разбавлять вино отсутствовала. К каждому блюду, согласно традиции, виночерпий наполнял наши кубки разными винами, подходящими к конкретному яству.

Время пролетело быстро, уже стемнело. После десерта местный центурион и шестеро сопровождавших нас легионеров-преторианцев отправились отдыхать, Итаз же и я, удобно устроившись на подушках, продолжали не спеша беседовать. Чтобы не смущать нас своим присутствием, виночерпий наполнил наши кубки из только что распечатанной керамической фляги, и удалился, словно растворившись в темноте.

Вино оказалось очень приятным на вкус, в меру сладким, но, одновременно, и терпким, с незнакомыми нотками букета, то ли цветочными, то ли травяными. Оно действительно расслабляло, делая нашу

беседу более неспешной, обстоятельной и достаточно спокойной.

Веки вдруг стали тяжёлыми, очень тяжёлыми. Видимо, сказывалась усталость, хотя спать вроде и не хотелось. С усилием открыв глаза, я посмотрел на Итаза. Голова моего друга, с закрытыми глазами, была как-то странно, неестественно откинута на подушку. Видимо, в конце концов, вино разморило его. Я попытался окликнуть Итаза, но из моих сомкнутых губ не вылетело ни звука. Решив подняться, с ужасом обнаружил, что не в состоянии управлять телом.

Но сознание подчинялось мне. Пока, возможно. Ибо я уже начал понимать, что происходит, а вернее, уже произошло с нами.

Я чётко, в деталях вспомнил последний свой разговор с Береникой, в моих ушах снова прозвучали слова её предсказания: – «В один прекрасный день, ты, довольный жизнью, будешь смеяться, кутить с лучшими друзьями, строить планы на будущее. И именно в этот день ты умрёшь»!

Но ведь прекрасная фурия, ведьма, не просто предсказала, но и сконструировала мою судьбу, став не только судьёй, но и палачом. Так вот почему вдруг отвернулся от меня Тит! Ну конечно, он так же стал жертвой чар Береники, игрушкой, а скорее, грозным, смертоносным оружием в её руках.

Я не знал, что конкретно внушила она Императору, но при её фантазии можно предположить что угодно: от моих попыток домогаться негласной жены Тита, вплоть до заговора с целью его убийства. А поскольку мой арест, и обязательное официальное следствие прибавило бы Императору головной боли,

скорее всего, она же и подсказала старый как мир, но опробованный и действенный способ решения вопроса – яд.

А заодно и возможность избавиться от опытного, умного и дотошного начальника тайной службы. Верный друг мой, Итаз, как же дорого обошлась тебе дружба со мной!

Сознание угасало, перед глазами возник недостроенный дом в имении, ряды высаженных моими руками крохотных оливковых деревьев, молодая жена, уже носившая под сердцем ребёнка, которого мне не было суждено дожидаться.

Потом я вдруг увидел синюю-синюю, уходящую за горизонт морскую гладь, невысокий горный каскад тёмно-зелёного цвета, над которым возвышались величественные заснеженные вершины, причал и дворцы Диоскуриады с колоннами из белого мрамора, искрящиеся под яркими лучами ласкового утреннего солнца!

Апсилия! Родина моя любимая...

И тьма поглотила вселенную!

Джазовая мелодия то ли пробудила меня, то ли вернула в реальность из другого измерения. Но звучала она не из моего телефона.

Дождь уже закончился, вечерело, набирали яркость только что включённые фонари на набережной, а во дворе кто-то, невидимый мне, с упоением выводил на гитаре известную босса-нову бразильского композитора Жобима.

Тамга

Юрий Дмитриевич! Юра! Дорогой мой человек! Если бы ты знал, в какую историю «втравил» меня! Втравил в прямом и переносном смысле! Что твоё искреннее служение любимому делу, и глубочайшее уважение к истории нашего народа, в данном случае сделало заложником истории и меня, обывателя. Лишило сна, заставило всерьёз взяться за изучение доступных документов и фактов. А главное – изменило меня, дало возможность неожиданно почувствовать неопиcуемый восторг и гордость от прикосновения ко всему, что связано с долгим, славным и трагическим путём народа, с моими предками, на протяжении веков!

И тут не имеет значение, случилось ли то, о чём рассказал мне когда-то отец, на самом деле, либо это была просто красивая сказка!

Одно ясно – не важно, ждут ли меня цветные реалистичные, беспокойные сны, либо я снова получу право на регрессии в прошлое, своё, либо других людей, моих родственников, а может, и совсем незнакомых мне. Я уверен, я знаю, что не раз ещё увижу воочию сверкающий этот овал, родовую тамгу, на которой, как символ вечности, причудливо соединились три треугольника!

• • • • •

Признаюсь, я постоянно открываю книги замечательного абхазского писателя, чтобы вновь и вновь возвратиться к описанным в них событиям. Они, помимо воли читателя, «застревают» у него в голове – настолько яркок и образен язык писателя. Его ведь неспроста называют «наследником Искандера». И кажется весьма логичным, что совсем недавно он стал лауреатом престижной премии имени своего прославленного земляка – Фазили Искандера!

Елена Киселёва, тележурналист

Меня заинтересовал тот художественный метод, который применяет автор. Это ностальгические воспоминания: книга говорит о том, что к прошлому надо относиться очень и очень бережно. И художественный прием, когда свои воспоминания автор нанизывает на стержень повествования, не подчиняясь жёстко заданному определённом сюжету, а подчиняясь закону человеческой памяти!

Юрий Анчабадзе, доктор исторических наук

Это можно назвать одной из составляющих феномена Владимира Делба, как литератора. Ведь за редчайшим исключением писательский талант проявляется и становится известен окружающим в юности, и даже детстве автора. А другой составляющей этого феномена я бы назвал то, что он, словно былинный Илья Муромец, просидевший тридцать три года на печи и «накопивший» силушку богатырскую, начал затем выпускать книги чуть ли не каждый год.

Виталий Шария, писатель, журналист

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Между храмом, стадионом и парком	7
Игрок	47
Тамга	119

Литературно-художественное издание

Делба Владимир Михайлович

РУЛЕТКА СУДЬБЫ

Редактор Эльмара Фаустова

Дизайн, компьютерная верстка Марина Чайкина

ООО Литературное сообщество «Новые Витражи»

Подписано в печать 06.08.2020

Гарнитура Constantia

Формат 84x108/32

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Т8 «Издательские Технологии»

тел.: +7 (499) 322 38 30

г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп.5,
«Технополис Москва»

ISBN 978-5-6045069-0-5

9 785604 506905